

СОЦИАЛИЗМ

ИСТОРИЯ БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ



АЛЕКСАНДР СТАНКЕВИЧЮС

Александр Станкевичюс

**Социализм. История
благих намерений**

«Издательство Реноме»

2022

УДК 141.8+316.323.72(47)

ББК 66.1(0)53-19

Станкевичюс А. М.

Социализм. История благих намерений / А. М. Станкевичюс —
«Издательство Реноме», 2022

ISBN 978-5-00125-563-5

Книга известного культуролога и публициста Александра Станкевичюса является весьма любопытным исследованием природы социалистических идей, их генезиса от протосоциалистических воззрений Античности до современных движений ЛГБТ и BLM. При этом значительное место в повествовании уделено теории и практике социализма в России. Подобное комплексное исследование социалистического феномена является уникальным для русскоязычной литературы околополитической тематики. Особый интерес вызывает то, что автор достаточно критично относится к предмету своего изучения, а сама работа представляет собой старающийся оставаться максимально объективным взгляд на социализм «справа». Данный труд будет интересен всем интересующимся актуальной политической теорией, историей политических учений и социализмом как явлением.

УДК 141.8+316.323.72(47)

ББК 66.1(0)53-19

ISBN 978-5-00125-563-5

© Станкевичюс А. М., 2022

© Издательство Реноме, 2022

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	10
Основные идеи социалистического учения	13
Рай на Земле	13
Данности не существует. Борьба с природой	13
Частная собственность – источник несправедливости	16
Традиционный брак – основа неравенства и эксплуатации	17
Религия как оправдание неравенства и эксплуатации	18
Отрицательное отношение к разделению труда	19
Рационализация экономики	22
Революция	22
Добровольная община и масштабный эксперимент	23
Социализм от древности до XIX века	24
Древний протосоциализм	24
Были ли первые христиане социалистами?	29
Еретический коммунизм Средних веков	34
Томас Мюнцер и его протосоциализм	36
Моравские анабаптисты и Мюнстерская коммуна	38
Утопический социализм	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Станкевичюс

Социализм. История благих намерений



ECONOMICS & HISTORY

В оформлении обложки использован рисунок «Освобождение рабочих» (Lucea Noua, 1895, № 11)



РЕНОМЕ

© А. М. Станкевичюс, 2022

© ООО «Реноме», 2022

Предисловие

Вы держите в руках книгу, ставшую плодом кропотливой работы, в ходе которой было прочитано немало научных исследований и документов, получены ценные советы и произошли вдохновляющие события. Эта книга посвящена социализму – его истории, деяниям тех, кто называл себя социалистом и проповедовал его, попыткам построить социалистическое общество.

Меня всегда интересовал феномен социализма. Я считаю, что социализм – это исторический феномен, выраженный в самых разных сферах человеческой деятельности, а не просто политическая идеология, которая появилась в какой-то момент, а затем стала популярной. Его надо изучать, с ним нужно работать, и его необходимо воспринимать всерьез. Социализму стоит посвятить отдельную научную дисциплину, но, пока этого не сделано, необходимо его деконструировать.

Деконструкция означает разрушение стереотипов и включение в новый, соответствующий требованиям современности контекст. О социализме многие думают как об идее, которая учит обобществлению средств производства и социальным гарантиям от государства через высокие налоги. Это большое заблуждение, ведь за этим стоит нечто большее, что служит идейной основой для подобных мер. Стереотипное понимание социализма лишено глубины и навязано нам в том числе в целях сокрытия истинной его природы.

Социализм – феномен с очень богатой и древней историей. Как цельная, стройная, теоретическая система он возник из философско-политэкономических работ Фридриха Энгельса и Карла Маркса и быстро, словно вирус, стал распространяться среди европейских интеллектуалов, обещая своим адептам неизбежное крушение капитализма (точнее, той экономической системы, в которой жили и работали эти авторы) и рай на Земле – впрочем, не сразу, а спустя время, за которое должны произойти события, обусловленные закономерностями развития истории. Но сама история социализма гораздо богаче и насчитывает несколько тысяч лет. На протяжении всего своего развития социалистические установки обретали большую ясность, пройдя через сложные перипетии судьбы различных народных движений и сект Древности и Средневековья, утопических проектов интеллектуалов и политических обществ Нового времени. В конце концов, после мучительных трансформаций многочисленных социалистических кружков в серьезные политические движения, а затем и в партии, ради чего все и задумывалось, социализм обрел свою первую государственность в конце 1917 г. на огромной территории, некогда называвшейся Российской империей. Партия большевиков, как движущая сила социалистической революции, заменила российскую государственность партийной, а затем схожий сценарий повторился во многих других странах.

Ошибочные представления о законах экономики и очевидное несоответствие образа жизни социалистических лидеров проповедуемым ими идеям (хотя бы в социальном отношении – это журналисты, писатели, авантюристы, мещане и т. д., а не пролетарии и даже не эксплуатируемые угнетаемые классы вообще) не помешали социализму завоевать умы целых поколений и через поддержку мощного пролетарского класса прийти к власти. Эти социалисты, к сожалению, многое сделали такого, что затормозило социально-культурное и институциональное развитие России.

Сегодня в мире насчитываются миллионы социалистов и миллионы людей всерьез воспринимают работы Маркса как труды, где с точки зрения классической политической экономии изложены истинные причины бедности и богатства в современном мире. Однако еще больше Маркс повлиял на социологию XX в., ставшую базой для феминизма, критической теории, теории пересечений и многих других интеллектуальных (а также политических) течений, занявших видное место в культуре современного мира. В той или иной степени все социали-

сты, независимо от их политической партии и степени «левизны/правизны», обязаны Марксу и ориентируются на его наследие.

Что побудило меня написать эту книгу, которая представляет собой разбор множества вопросов, связанных с социализмом, его историей?

Я искренне считаю социализм серьезной опасностью, с которой уже сталкивалась наша страна и которая никуда не исчезла после крушения СССР. Большевики буквально стерли с лица земли российскую государственность и идентичность, превратив страну в плацдарм для мировой революции, нанеся непоправимый урон культуре и институтам, демографии и психологии нашего общества. Однако по мере того, как социализм терял политическую власть, он все больше приобретал власть над умами. По заветам основателя итальянской компартии Антонио Грамши, социализм превращался все то время, пока большевики теряли политическую хватку, в культурного гегемона. Этот процесс не завершен, но и облегчать ему жизнь не стоит. Я считаю, что важно это **понять**. Благие намерения всегда имели колоссальный потенциал, но также всегда страдали отсутствием конкретики, если дело доходило до общественно значимых действий. Однако обоснование этих действий благими намерениями действует безотказно – миллионы людей готовы идти за все хорошее против всего плохого, особенно если это сопровождается умными словами и красивыми аудиовизуальными эффектами. Социализм – привлекательная идея, которая прекрасно адаптируется под изменения, чему доказательство успешная ревизия Маркса.

Кроме того, общественная дискуссия между, грубо говоря, «левыми» и «правыми» сегодня породила серьезные этические проблемы. Скажем, нельзя всякий раз аргументировать необходимость красного террора, защищать его, прикрываясь белым террором. Как будто, если бы белые убили сто миллионов большевиков, красный террор можно было бы оправдать. Как будто бы сегрегация в США как-то оправдывала советскую номенклатурную систему. Как будто бы рабовладение в прошлом означает, что можно громить улицы и убивать людей за цвет кожи. Социализм постоянно находит причины обелить себя, обвинить во всем некие внешние факторы, тогда как его собственные неудачи и агрессия на самом деле вызваны внутренними причинами.

Многое познается не столько в сравнении, сколько само по себе. Например, для нашей страны дать окончательную общественно-политическую оценку социалистическому прошлому чрезвычайно важно, и она обязана быть отрицательной – это морально правильно. Дискуссия сегодня превратилась не в поиск истины, а в соревнование, кто кого закидает обвинениями и контртезисами. Социалисты в ответ все время припоминают какие-то грехи капитализма чуть ли не с эпохи Ренессанса и собранные со всего мира по кусочкам, хотя для россиян важно понять, что произошло у них в стране в последние сто лет, а не что было где-нибудь в английских колониях в Бенгалии триста лет назад. В таком потоке информации теряется суть – в этом, собственно, и заключается метод – заглушить факты демагогией общего характера.

Более того, ни английские колонисты, якобы устроившие голод в Бенгалии в XVIII в., ни американские расисты, ни белогвардейцы никогда нигде не заявляли, что они несут свободу от эксплуатации, вечный мир, экономическое процветание и т. д. Меня крайне раздражает лицемерность социализма, которой просто нет предела. Социалистическая парадигма совмещает в себе ужасающую нищету населения в пределах подконтрольной территории с критикой развитых стран как несправедливых систем, основанных на эксплуатации. Но в то же время мы видим почему-то роскошный образ жизни социалистических вождей и партийной номенклатуры. Ни одна идеология в истории не была настолько противоречива, даже если несла смерть и насилие.

Такие соображения и стали причиной появления этой книги на свет. Разумеется, я искренне желаю одуматься многим людям, которые называют себя социалистами в силу наивности, искренней веры в то, что социализм несет добро и справедливость. Надеюсь, книга

поможет им принять правильное решение – ведь правильные решения действительно существуют, мораль объективна, она не подвержена релятивизму или ревизионизму. Надеюсь также, что моя работа поможет сторонникам экономической свободы, консервативных ценностей, патриотам России и всем тем, кто мечтает вернуть нашей стране здоровую идентичность.

Для выполнения своей задачи я не стал акцентировать внимание на «классическом» наборе из работ про социализм, вроде сталинских репрессий, хотя и они, безусловно, получают свое место в повествовании. Я обращаюсь к деконструкции социализма. Мы «разберем» и «соберем» его, узнаем, что представляет собой этот «зверь» и какие свои черты он пытается от нас «утаить».

Мы начнем с описания социализма как учения (или, как мне нравится даже больше, парадигмы), его проблематики и основных идей. Затем перейдем к истории самых древних социалистических идей и движений, чтобы в этой истории продемонстрировать зачатки того, что потом будет действительно основой для социализма как системы. Это важно, потому что нельзя рассматривать предмет изучения в отрыве от его истории, ибо мы не поймем тогда, как же он превратился в то, что мы видим сейчас (из чего он «собран»). Вторая и третья части моего исследования посвящены социализму в России и в остальных странах соответственно, однако я не буду подробно описывать всю историю СССР вплоть до его крушения в 1991 г. или любого другого социалистического режима, поскольку эта книга посвящена социализму как феномену и историю мы используем не для того, чтобы просто рассказать, что произошло, а для того, чтобы показать, что происходит, когда речь идет о социализме, воплощающемся в практике. Основной акцент в книге сделан на взаимосвязи социалистических идей с их действиями, «смычке» (как любили говорить большевики) типично социалистических архетипов с их практической деятельностью; периодам роста, а не падения. Будет показано, что кровавый «социалистический XX век» – не результат предательства идей социализма, а, напротив, его закономерное развитие в условиях перехода от утопической, подпольной или общинной формы к национальной, государственной. В третьей части книги мы также разберем, как развивалась социалистическая теория на Западе и во что эволюционирует социализм в XXI столетии.

* * *

Этой книги не появилось бы без благородного понимающего терпения моей жены Ренаты и сына Марка. Ведь пока писалась книга, я не был рядом с ними и не уделял им должного внимания. Так что я остаюсь у них в долгу и обязан вернуть очень много себя. Они мои соавторы в буквальном смысле слова.

Хочу поблагодарить своих товарищей и единомышленников из «конфы», которые помогали советом, переводили непонятные мне моменты в цитатах из английских источников, а также наводили меня на новые идеи: Евгения Алакаева, Филиппа Шальнова, Владимира Бабушкина, Евгения Смирнова. Они точно сделали эту книгу лучше.

Выражаю особую благодарность за серьезную финансовую поддержку в издании книги: Валерию Семилетову, Дмитрию Шканову, Роману Долгополому, Илье Миронову, Павлу Величковскому, Павлу Кабанчуку, Тимуру Юлдашеву, Леониду Шутову, Вагану Степаняну, Григорию Калмыкову, Егору Егорченко, Александру Попову, Егору Спасову, Виталию Лебедеву, Кириллу Мизитову, Вячеславу Шевченко, Владимиру Вокунадису, Роману Калину, Александру Тену, Артему Нариманову и зрителю с ником Pavel S. Также выражаю благодарность Данилю Минибаеву, Ростиславу Гушину и многим другим зрителям и читателям, которые поддерживали издание книги финансово, что значительно облегчило ее выход, в том числе позволило ей выйти пораньше.

Также хочу поблагодарить замечательное Санкт-Петербургское издательство «Реноме». Я далеко не всегда выражаю свои мысли безупречно, но профессионализм коллектива «Реноме» уже в четвертый раз становится гарантией качественного издания моих работ.

*Александр Станкевичюс
Санкт-Петербург, 2021 г.*

Часть 1

История социалистических идей до XX века

Социализм представляет собой совокупность политико-экономических и этических учений, ставящих своей целью осуществление кардинальных социально-экономических перемен, которые позволят обществу функционировать на основе абстрактного идеала равенства, братства и социальной справедливости. Для осуществления этой великой цели требуется уничтожить или ограничить все те институты и механизмы социально-экономических отношений, которые порождают, по мнению социалистов, неравенство, иерархию, социальную несправедливость, угнетение человека человеком, – прежде всего религию, частную собственность, разделение труда, наемный труд и традиционный брак. Способы осуществления этой цели разнятся: от революции и установления диктатуры партии до последовательного и постепенного завоевания науки, образования, искусства, средств массовой информации и т. д.; от социальной инженерии и культурной гегемонии до беспощадной классовой борьбы. При этом коллективная собственность и рациональное коллективное ее использование всегда рассматриваются как более совершенный способ существования в условиях ограниченных ресурсов, чем частная собственность и децентрализованное производство и распределение благ.

Многие ошибочно полагают, что социализм – это идеология Робин Гуда, которая призывает заботиться о бедных, делить все несправедливо нажитое имущество богачей и т. п. Это романтизированное представление, мало относящееся к реальности, во всяком случае в том, что касается «научного социализма», появившегося в XIX столетии, а не протокоммунистических сект и левых идей прошлых веков. Так, «научный социализм» не считал разрушение старинного ремесленного производства и крестьянского хозяйства капиталом, который заменил их фабриками с широким использованием наемного труда, – это объективное зло, которое надо обратить вспять. Напротив, он руководствуется здесь совершенно отстраненным от моральных соображений принципом историзма – для «научного социализма» это неизбежный исторический переход от одних производственных отношений к другим, более прогрессивным. Социалистическая критика капиталистической фабрики лишь в том, кто ею владеет, и те же большевики не собирались уничтожить фабрику и «возвращать» рабочим собственные средства производства, а крестьянам – землю. Фабрики должны были быть экспропрированы в «общественное» пользование, при этом сама суть фабричного массового производства сохранилась бы. Крестьянам следовало отказаться от мелких частных хозяйств в пользу коллективного ведения хозяйства, гораздо более крупного по размеру. Пролетариат – т. е. рабочие фабрик, которых благодаря развитию капитализма становилось все больше, – в «научном социализме» потому считался передовым классом, который должен вести за собой крестьянство, что в силу многолетнего опыта слаженной, тесной, коллективной работы на самых современных заводах и более развитого самосознания себя как угнетенного класса, рабочие уже имеют достаточное представление о классовой организации. Ведь рабочий – это человек, порвавший с прошлым (деревней) и не имеющий ничего, кроме своей работы (своих «оков»). То есть капитализм, каким бы ужасным на страницах «Капитала» Маркса он ни был, служил силой, долженствующей привести людей к коммунизму. Иными словами, если бы капитализма не было, то его следовало бы выдумать, дабы прийти к самой высшей стадии развития социально-экономических отношений. Капитализм порождал передовой класс, благодаря которому в мире воцарится бесклассовое общество – коммунизм. Как писали Николай Бухарин и Евгений Преображенский в своей «Азбуке коммунизма», *«капитализм, как мы видели, роет сам себе могилу потому, что он порождает своих собственных могильщиков-пролетариев, и чем больше он развивается, тем большее количество своих смертельных врагов он плодит и объединяет про-*

тив себя. Но он не только выращивает своих врагов. Он подготавливает и почву для новой организации общественного производства, для нового товарищеского, коммунистического хозяйства» [43, с. 49].

После социальной революции и получения политической власти социалистами предполагалось в дальнейшем использование всех прогрессивных технологических наработок капитализма для обеспечения рабочих всеми необходимыми средствами потребления при отсутствии собственности на средства производства. Но рабочий оставался бы рабочим, он не превращался бы обратно в свободного ремесленника или фермера. Управление всем производством и распределением вместо отдельного владельца-капиталиста передавалось бы новым органам власти, построенным по социалистическим принципам и не имевшим права собственности на фабрику (государство, которым управлял бы класс пролетариев, представлялось как временное решение, впоследствии обязанное отмереть). Экономический эффект масштаба от фабрик, общественные столовые в них, обеспечение рабочих при фабриках жильем, медициной, школами и т. д., которые прежде организовывались капиталистами, полностью сохранялись и даже преумножались в социалистическом обществе. Социалистическая экономика постепенно вытесняла бы частное хозяйство из всех оставшихся сфер, подавляя его как своим превосходством в лучшей организации, так и репрессивно-административными мерами. Вот как это представлял себе главный по партийному статусу теоретик экономики раннего СССР Николай Бухарин:

«Нам известно, что в капиталистическом обществе, где господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, крупное производство в конце концов вытесняет мелкое, средний капитал отстывает перед более крупным капиталом, и, в конце концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группы крупнейших королей промышленности и банков, которые сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается и производство сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто по виду похожее будет происходить и у нас и происходит уже и теперь, с той только существеннейшей разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные “предприятия”; у нас есть государственные предприятия, у нас есть кооперативные предприятия, у нас существуют, наконец, частнокапиталистические предприятия и т. д. Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства. В руках частнокапиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные предприятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в промышленности крупное производство точно также находится в руках государства, а на долю частных предприятий приходятся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела – а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем – все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей “мелкости”, как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей кооперативной организацией, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно также отвоевывать для себя преимущества всякого крупного объединения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через кон-

куруцию государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т. е. частный капитал. В конце концов развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д. и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов» [42, с. 60–61]. Нетрудно заметить, что описанная Бухариным схема очень похожа на ту, что ранее использовали капиталисты на страницах «Капитала» Маркса, в борьбе с ремесленниками и свободными крестьянами – вытеснение мелких конкурентов за счет масштаба и эффективности. Вот почему большевики вполне восхищались американской и немецкой промышленностью, где капиталистическое производство, и в особенности его масштабы, достигли наибольшего развития.

В сборнике К. Каутского, Э. Бернштейна, К. Гуго и П. Лафарга «История социализма» много внимания уделено практикам протосоциалистических общин и теориям утопистов, где производство и быт были централизованно организованы и обобществлены, прямо как на фабрике. Авторы книги, социалисты по убеждениям, лично знакомые с Марксом, с большой симпатией относятся к левым утопическим идеям (Дж. Уинстенли, Т. Мора, Дж. Гаррингтона, П. К. Плокбоя, Дж. Беллеса) и опыту средневековых протосоциалистических общин (бегарды, лолларды, мюнстерская коммуна, табориты и т. д.). Социализм с теплотой относится к устройению общества по принципу одной большой рационально функционирующей фабрики, хотя именно ранним т. н. «капиталистам» промышленной эры принадлежит первенство практиков такого общества в локальном масштабе. В конечном счете здесь ничего удивительного нет, ведь социализм невозможно реализовать децентрализованным «естественным путем», т. е. свободной волей множества людей, у которых есть разные экономические цели и этические взгляды. Социалистическому проекту необходима сильная централизация и полный контроль над экономикой, чтобы привести свои кардинальные социально-экономические перемены в жизнь.

Это стало причиной распространенного заблуждения о том, что любое государственное вмешательство в экономику – это социализм. Например, в книге Хесуса Уэрты де Сото «Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция» утверждается, что социализмом можно назвать «любую систему институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства» [331, с. 29]. Я не могу согласиться с данным утверждением, поскольку тогда мы получаем невероятную путаницу. Не всякое вмешательство государства в экономику имеет под собой социалистические основания, как и не всякий сторонник государственного вмешательства является социалистом, даже если это происходит системно, скажем, во время длительных войн и эпидемий. Исходя из определения де Сото, максимум, на что можно пойти, это признать существование «государственного социализма» – внутренней политики, призванной решить социально-экономические проблемы общества, в том числе за счет самой богатой его части, но лишенной идейной основы социалистического учения. Социализм представляет собой отнюдь не только экономический государственный «дирижизм» и исторически даже мог его не включать вовсе. Важно понимать, что социализм динамичен и находится в постоянном историческом движении, имея в качестве «двигателей» определенные основополагающие установки. Для социализма регулирование экономики не конечная цель, а средство для достижения определенного состояния общества. Регулирование снижает экономическую значимость частной собственности, а значит, помогает ослабить эту фундаментальную причину несправедливости (о чем мы далее поговорим).

Прежде чем перейти к истории «благих намерений», разберем основные идеи, характерные для социалистического учения, т. е. эти самые намерения.

Основные идеи социалистического учения

Любое учение представляет собой парадигму, состоящую из определенных концепций, шаблонов, постулатов и т. д. Но что входит в парадигму социализма? На этот вопрос сегодня не каждый сможет ответить, так как без исторической ретроспекции можно выдать лишь желаемое за действительное или некий «мем», имеющий лишь отдаленное отношение к предмету. Далее я предлагаю следующие составляющие социалистической парадигмы, которые мне удалось обнаружить (что будет показано в книге) на протяжении всей истории социалистического учения у тех или иных авторов, коих мы более-менее консенсусно считаем представителями социализма.

Рай на Земле

«Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на Земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе», – писал Ленин в статье «Социализм и религия» [188, с. 51]. Как и социалисты прошлых эпох, Ленин верил в возможность создания на Земле и при земной жизни таких условий, которые вполне могут быть описаны словом «рай». Это неотъемлемая черта «коллективного бессознательного» людей с левыми убеждениями, являющаяся полной противоположностью пессимистической веры в «золотой век», также уходящей корнями в глубину веков. Если пессимисты обращены к прошлому как к источнику прекрасного, то социалисты более оптимистичны – для них всё лучшее находится не в прошлом и не в настоящем, а в будущем. Социализм в некотором роде следует архетипу Вавилонской башни, которую люди решили построить до самого неба в момент наивысшего своего материального расцвета (но все оканчивается крахом). Некоторые полагали, что социализм в своем оптимизме копирует христианство с его верой в Новое Небо и Новую Землю, однако это некорректное сравнение, так как в христианстве существует и «золотой век» (мир до грехопадения) и надежда на Царство Небесное, но не Земное. При этом идея рая на Земле для христианства представляется принципиально невозможной, для социализма же это единственное место, где рай возможен. Но как достичь его? Преодолев всё, что мешает его достижению. А это – долгий путь, длиной в историю, в ходе которой люди ведут свою борьбу с природой и побеждают ее.

Данности не существует. Борьба с природой

Социализм исходит из того, что человечество можно кардинально улучшить – отсюда его презрение к биологическим детерминантам и религии либо же искаженное восприятие детерминант генетики и догматов религии, ибо последние оперируют с такой вещью, как «данность». Данность – это то, что есть независимо от нашей воли, ее нельзя отменить декретом, пропагандой, технологическим улучшением и т. д. Такие взгляды можно назвать прогрессизмом, но не в смысле объективно возможных улучшений нашего быта или реформ политического и социально-экономического устройства, а в смысле радикального переделывания общества и человека под «прогресс» в рамках вполне конкретного учения.

Как писал неомарксистский философ Герберт Маркузе в своей книге «Одномерный человек»: *«История есть отрицание Природы. То, что является только природным, преодолевается и восстанавливается силой Разума. Метафизическое представление о том, что Природа в ходе истории приближается к себе самой, указывает на неосвоенные пределы*

Разума»¹ [211, с. 310]. И он же: «...как процесс диалектический, исторический процесс включает в себя сознание: распознавание и овладение возможностями освобождения. Следовательно, он включает в себя свободу. В той степени, в какой сознание определяется потребностями и интересами существующего общества, оно “несвободно”; но в той степени, в какой существующее общество иррационально, сознание становится свободным для более высокой исторической рациональности только в борьбе против существующего общества. В этой борьбе – разумное основание истины и свободы негативного мышления. Таким образом, согласно Марксу, пролетариат является освободительной исторической силой только как революционная сила; решительное отрицание капитализма происходит в том случае и тогда, если и когда пролетариат приходит к осознанию себя наряду с условиями и процессами, формирующими его общество. Это осознание – одновременно и предпосылка, а элемент отрицающей практики. Вот почему это “если” существенно для исторического прогресса – как элемент свободы (и вероятности успеха), открывающей возможности победы над необходимостью данных фактов. Без этого история вновь возвращается во тьму непокоренной природы» [211, с. 292–293].

Для социализма «естественное», природное, «данное» не имеет положительного смысла. Человек живет в постоянной борьбе с враждебным окружением. Для этого он создает орудия труда, оружие, развивает технологии, упрощающие ему жизнь. Этому процессу не видно конца, во всяком случае до тех пор, пока технологический уровень не позволит совершить качественный скачок вперед. Тело человека, со всеми его недостатками, также является природным, но не данностью, с которой человек обязан смириться. Если технологии позволят, то можно обойти и это ограничение. Технологии, кажется, с определенного момента всегда опережают социальные институты, которые закрепляют положение дел, возникшее до того, как технологии стали такими развитыми, и не позволяют совершить рывок. Поэтому рано или поздно происходит социальная революция, рано или поздно нужно покончить со старыми отношениями и построить новые, актуальные по отношению к текущему уровню технологического развития.

Эти процессы описаны в терминах, получивших широкую известность: базис и надстройка. Карл Маркс в работе «К критике политической экономии» пишет, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства – от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он

¹ Здесь и далее в приводимых в книге цитатах выделения полужирным сделаны мной. – А. С.

о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [203, с. 1083].

Видный русский марксист Георгий Плеханов говорил, что Маркс решил ту задачу, что не удалось решить немецким идеалистам, – выяснить движущие причины исторического развития. Эта причина – воздействие человека на внешнюю природу в целях собственного выживания. *«Великая научная заслуга Маркса заключается в том, – пишет Плеханов, – что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но, “действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу”. В этих немногих словах содержится сущность всей исторической теории Маркса...» [265, с. VI].* Как происходит это изменение? Как, выражаясь словами Энгельса, происходит «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»? Плеханов отвечает: *«...когда созданные капиталистической эпохой могучие средства производства перейдут в общественную собственность и когда производство будет организовано сообразно общественным потребностям, тогда люди станут, наконец, господами своих общественных отношений, а тем самым сделаются господами природы и самих себя. Только тогда она начнут сознательно делать свою историю; только тогда приводимые ими в действие общественные причины будут вызывать все в большей мере желательные для них действия» [265, с. 66].*

Социализм призывает человечество стать господином и внешней природы, и самого себя. В новейшее время этот призыв приведет к самым неожиданным выводам, о чем мы поговорим в последней части книги.

Сама идея «надстройки», хотя отчасти и оправдана с исторической точки зрения, но буквально обесценивает не только традиции, которые действительно могут изменяться и могут быть вредны, но и основополагающие институты цивилизации. Таким образом можно прийти к выводу, что вообще не существует никаких «вечных ценностей», естественных прав, неотъемлемых и освященных временем обычаев, хороших традиций и практик, нет данности, которой мы обязаны придерживаться. Все это является лишь надстройкой над базисом, обусловленной этим самым базисом, и якобы вредно для дальнейшего прогресса. Для большинства людей технологический прогресс, несомненно, рассматривается как благо, однако не все готовы использовать могучие средства производства для отказа от всего, что делает нас нами, что формирует нашу идентичность. Прогресс ради прогресса убедителен не для всех. Скажем, мы привыкли воспринимать брак как союз мужчины и женщины, но в социализме это всего лишь часть надстройки, которая рано или поздно будет отменена. Также и религия, которая существует тысячи лет и служит основой для культуры любого народа, в социализме может иметь сначала прогрессивный характер, но затем превратиться в фактор торможения прогресса, закрепления устаревших отношений. Институт государства в целом тоже должен отмереть за ненужностью. Так – в теории – могло бы произойти при коммунизме, если бы он состоялся.

Частная собственность – источник несправедливости

Социализм не терпит частной собственности. Само собой, она представляет для социалиста не *«природное право человека... священное и неприкосновенное»* [167], как сказано в знаменитой антисоциалистической энциклике папы римского Льва XIII, а результат исторического развития, в ходе которого *«частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности»* [408, с. 150]. В «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. читаем: *«Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям. Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной. Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими. В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»* [205]. Когда говорится не об «отмене собственности вообще», не стоит тешить себя иллюзиями, что какая-то собственность все же останется. Речь идет о социалистической собственности, т. е. обобщественной, а по факту – отмене той собственности, которую мы привыкли понимать как таковую. Если для большинства людей идея о праве на собственность интуитивно понятна и эта идея укоренена по меньшей мере в европейской цивилизации, начиная со времен Римской империи, то для социализма сам институт частной собственности предстает как надстройка над базисом.

Однако здесь следует сделать важное уточнение. Во-первых, причина, по которой социализм так ненавидит собственность, заключается в том, что он видит в ней источник эксплуатации, неравенства, несправедливости, нищеты большинства при роскошном образе жизни меньшинства. Как выразился солдат-коммунист из книги А. Брауна «Взлет и падение коммунизма», *«любой частник подобен раковой клетке – он стремится поразить весь политический организм»* [36, с. 10]. Действительно, еще Маркс писал, что капитал безудержно стремится к порождению самого себя, к самовозрастанию. А частная собственность на средства производства, на все, что позволяет создавать капитал (по сути, все то, что накапливается сверх основных потребностей) – основа капиталистических отношений. Однако – и это уже во-вторых – так было не всегда. Многие социалистические движения прошлого, т. е. те движения, что пытались осуществить социалистические идеи до появления в XIX в. «научного социализма», допускали частную собственность на средства производства при обобществлении средств потребления. Как объяснял это Карл Каутский, иначе и быть не могло в тех конкретных экономических условиях, т. е. в эпоху античности и феодализма. Напротив, современный «научный социализм» допускает личные предметы потребления при обязательном обобществлении средств производства. Пожалуй, неким промежуточным звеном в развитии этой мысли была «Утопия» Томаса Мора, который уже давал описание обобщественного производства. Заметным отличием между протосоциалистическими идеями и «научным социализмом» можно назвать также отношение к потреблению. Для первого потребление основывалось на принципах умеренности, а иногда и аскетизма, что сочеталось с любовью к труду. Для второго, напротив, характерны ожидания увеличения потребления после наступления коммунизма как конечной стадии развития общества, изобилие материальных благ, сочетающееся все более сокращающейся необходимостью заниматься физическим трудом. Позднее, во второй половине XX в., на Западе в левой среде снова стало модно критиковать потребление, угрожающее природе и обществу.

Традиционный брак – основа неравенства и эксплуатации

Еще одним источником эксплуатации во все времена для социализма является моногамный традиционный брак. Уже протосоциалистические идеи, начиная с Платона, пытаются разрушить этот «ужасный» источник угнетения путем обобществления жен и общественного воспитания детей, отрыва их от биологических родителей и разрыва уз экономической зависимости между членами семьи (прежде всего, жены от мужа и детей от отца). В этом отношении социалистические идеи мало изменялись на протяжении веков в своем неугомонном стремлении уничтожить институт моногамного брака, ведь именно последний в своем «эгоизме» порождает частную собственность и укрепляет ее как институт.

И протосоциалистические, и социалистические авторы рассматривали моногамный и нерасторжимый брак как нечто несовместимое с искренней любовью и настоящими чувствами. Об этом много написано у Ф. Энгельса в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства», своего рода «сумме» социалистического опыта познания семьи и брака. В частности, он пишет: *«Но при этом от моногамии безусловно отпадут те характерные черты, которые ей навязаны ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с последним. Нерасторжимость брака – это отчасти следствие экономических условий, при которых возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этих экономических условий с моногамией еще не понималась правильно и утрированно трактовалась религией. Эта нерасторжимость брака уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только пока любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса»* [408, с. 107–108].

Можно еще сказать, что социалисты выступали против браков по расчету, действительно весьма распространенных в прежние времена, особенно среди буржуазии и аристократии. В их представлении подобный брак был сродни проституции. Однако такие специфические отношения, отнюдь не являющиеся необходимой чертой моногамного брака, распространяются на него как имманентные ему. «Манифест Коммунистической партии» повторяет многовековые «догматы» социализма касательно брака: *«Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении... Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса... Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция»* [205].

Маркс писал о семье (его цитирует Энгельс в своей работе «Происхождение семьи...»): *«Современная семья содержит в зародыше не только рабство (servitus), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земледельческими повинностями. Она содержит в миниатюре все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»* [408, с. 76]. Об этом же высказывался видный немецкий социалист Август Бебель в работе «Женщина и социализм»: *«Женский пол в своей массе страдает в двойном отношении: во-первых, он страдает вследствие социальной и общественной зависимости от мужчин*

– эта зависимость может быть ослаблена, но не устранена формальным уравнением женщины перед законами и в правах, – он страдает и от экономической зависимости, в которой находятся женщины вообще и пролетарские женщины в особенности, наравне с пролетариями-мужчинами. Из этого вытекает, что все женщины, без различия их социального положения, как пол, находящийся вследствие нашего культурного развития в подчинении у мужчин, заинтересованы в том, чтобы это состояние, поскольку это возможно, уничтожить путем изменения законов и перестройки существующего государственного и общественного порядка. Но огромное большинство женщин живейшим образом заинтересовано также и в том, чтобы существующий государственный и общественный строй был коренным образом преобразован, чтобы было устранено как рабство наемного труда, от которого больше всего страдает женский пролетариат, так и половое рабство, неразрывно связанное с нашими имущественными и производственными отношениями» [22, с. 43].

Ленин прекрасно понимал, как уничтожить традиционную семью путем отрыва женщины от домашнего очага и эксплуатации ее на общественном производстве во благо государства: *«Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, оупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство. Второй и главный шаг – отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от “домашнего рабства” путем перехода от мелкого одионочного домашнего хозяйства к крупному обобществленному»* [168].

Таким образом Ленин считал, что работа женщины на крупном общественном хозяйстве есть освобождение женщины. Верно здесь то, что занятая на «ничейном» предприятии (в колхозе, на государственном заводе или стройке), трудящаяся исключительно ради общественного интереса женщина будет просто лишена личного времени, возможности строить личные отношения с тем мужчиной, к которому у нее есть чувственная привязанность и желание дарить плоды своего времени и труда только ему и потомству, полученному от него.

Но Ленин называл этот процесс освобождением, хотя в действительности данный процесс есть не что иное, как обобществление женщин и использование их рабочей силы в общегосударственных целях.

Религия как оправдание неравенства и эксплуатации

Враждебные взаимоотношения социализма и религии обусловлены тем, что религия представляется социалистам источником неравенства и эксплуатации, так же как традиционная семья и частная собственность. Религия оправдывает существующее положение вещей, оправдывает неравенство, держит угнетаемые классы в узде, не давая им осознать свое тяжелое положение. Карл Маркс в газете *Rheinischer Beobachter* писал: *«Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата. Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов – господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал. Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную консисторским советником компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле.*

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом – все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости – важнее хлеба. На социальных принципах христианства лежит печать проньрливости и ханжества, пролетариат же – революционер» [207, с. 204–205].

Почти то же самое мнение мы находим в работах Владимира Ленина: *«Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топчут свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [173, с. 142–143].*

На самом деле, воинственное, негативное отношение к религии у социалистов появилось отнюдь не с Маркса, а систематический террор против института религии и ее представителей, который различные протосоциалистические и коммунистические движения устраивали на протяжении истории, не является изобретением большевиков. Еще в XVI в. протокоммунисты, возбужденные Реформацией, призывали убивать священников – и как можно больше. Арчи Браун в своем «Взлете и падении коммунизма» пишет, что *«в начале XVI в. революционные писатели и проповедники в Германии отличались наибольшей суровостью кар, призываемых на головы противников придуманного ими эгалитарного общественного порядка. Один из таких проповедников, подлинное имя которого неизвестно (историки обычно называют его “верхнерейнским революционером”), утверждал, что путь к тысячелетнему царствованию Христа пролегает через резню и террор. Он предсказывал, что по 2300 священников будут убивать ежедневно в кровавой бане, которая продолжится четыре с половиной года. Но в своем революционном пыле он не переходил определенные границы, не призывая, например, к расправе над императором. Вместе с тем он выступал как сторонник отмены частной собственности и писал по этому поводу следующее: “Сколько вреда проистекает из своекорыстия!.. Поэтому необходимо, чтобы все богатства стали одним общим богатством, и тогда можно будет обойтись одним пастухом на все стадо”» [36, с. 23]. Или как выразился французский социалист XVII столетия Жан Мелье: «Я желал бы, чтобы все великие и благородные мира сего были повешены на поповских кишках или задушены ими» [136, с. 767].*

Отрицательное отношение к разделению труда

Критика разделения труда не всегда предстает нам очевидной в сочинениях социалистов, и ей уделяется куда меньше внимания у критиков социализма, тем не менее эта идея очень важна. Маркс в первом томе «Капитала», в главе XIII «Машины и крупная промышленность», писал, что *«разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием»,* и далее: *«... характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистический способ про-*

изводства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, условиями труда и продуктами труда – с другой», – заключая в целом, что «средство труда убивает рабочего», «при автоматической системе талант рабочего все более вытесняется» [204]. Таким образом, разделение труда, т. е. участие рабочего на предприятии не в полном цикле производства одного блага, а лишь в небольшой его части (что усугубляется с развитием машинного производства), превращает этого рабочего в исполнителя примитивного движения, отчуждает его от продукта его труда и профессионального рода деятельности, убивает его талант, нивелирует его.

Более подробно отрицательное отношение к разделению труда выражено у Маркса и Энгельса в работе «Немецкая идеология»: *«...вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении как “всеобщее”, но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд. И наконец, разделение труда дает нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, – собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что, как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, – тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, – как моей душе угодно, – не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком. Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под вашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии» [208, с. 31–32].*

Мы видим, что капиталистическое разделение труда противопоставляется свободному выбору деятельности при социализме. Разделение труда рассматривается как убивающая все человеческое и индивидуальное в рабочем. Но самое большое преступление разделения труда состоит в том, что оно в рамках процесса борьбы с природой как бы устанавливает над человеком господство оной, а не наоборот. У более современного автора, ревизиониста Маркса Георга Лукача мы видим развитие этой идеи следующим образом: *«...абстрактный, одинаковый, сравнимый труд, измеряемый с все большей точностью общественно необходимым рабочим временем, труд в рамках капиталистического разделения труда возникает одновременно как продукт и как предпосылка капиталистического производства только в процессе его развития, то есть только в ходе этого развития становится общественной категорией, которая решающим образом влияет на форму предметности как объектов, так и субъектов возникающего этим путем общества, на его отношение к природе, возможные в нем отношения между людьми. Но если проследить тот путь, которым идет развитие трудового процесса от ремесла через кооперацию, мануфактуру к машинной индустрии, то становятся очевидными постоянно усугубляющаяся рационализация, все большее исключение качествен-*

ных, человеческо-индивидуальных свойств рабочего. С одной стороны, это происходит вследствие того, что трудовой процесс во все большей мере разлагается на абстрактно рациональные частичные операции, а в результате разрывается связь рабочего с продуктом как единым целым, и его труд сводится к механически повторяющейся специальной функции. С другой – вследствие того, что из-за такой рационализации общественно необходимое рабочее время, основа рациональной калькуляции, сперва выступает в качестве эмпирически взятого среднего рабочего времени, а затем, под воздействием все большей механизации и рационализации трудового процесса, – в качестве объективно рассчитываемой трудовой нагрузки, противостоящей рабочему в своей готовой и законченной объективности. Вместе с современным, “психологическим” расчленением трудового процесса (система Тейлора) эта рациональная механизация проникает даже в “душу” рабочего: сами его психологические свойства отделяются от его цельной личности, объективируются по отношению к нему, чтобы их можно было ввести в рациональные специальные системы и подвергнуть калькуляции» [194, с. 183–184].

Не будем здесь вдаваться в рассуждения, насколько это неверное представление, главное пока отметить, что для социализма подобное отношение к разделению труда характерно. Даже у утопистов, хотя они жили до широкого распространения машинного производства, интуитивная тяга к максимально возможной универсальности каждого человека, как спасения от объективизирующего влияния разделения труда, присутствует в их утопических проектах (мы это еще увидим далее). У Николая Бухарина в утопическом сочинении «Азбука коммунизма», написанного в 1919 г., данная «склонность» вполне сохранена: *«Ничего подобного нет в коммунистическом обществе. Тут люди все получают разностороннее образование и будут знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, подсчитывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю, может быть, – на общественных парниках, а еще через три дня – на электрической станции. Это будет возможно, когда все члены общества будут получать надлежащее образование»* [43, с. 54].

Сложно себе представить, каким образом социалисты собирались достигнуть такого уровня когнитивного развития человека, чтобы он смог за свою жизнь освоить такое множество профессий в условиях все более усложняющегося в технологическом смысле производства и роста количества информации как таковой.

Из столь фундаментального непринятия разделения труда происходит и непринятие наемного труда как особенной формы современного рабства. Широкое использование наемного труда для создания товаров считается неотъемлемым признаком капиталистических социально-экономических отношений. При этом чем дальше по мере развития капитализма – тем больше людей превращается в «наемных рабов». Капиталист, как писал Маркс, нанимая рабочего, оплачивает только его рабочее время, но не рабочую силу. Поскольку рабочая сила создает новую стоимость, которая якобы никак рабочему не оплачивается, социализм предполагает, что в этом заключается суть эксплуатации, т. е. присвоения прибавочной стоимости капиталистом. В этом же суть наемного труда.

Хотя социализм не предполагает возврата к докапиталистическому способу производства, где лидировали крестьяне и ремесленники со своими средствами производства. Социализм предполагает коллективное овладение рабочими средствами производства, удаление из социально-экономических отношений капиталиста-работодателя и тем самым ликвидацию наемного труда как явления. Но здесь мы вновь возвращаемся к вышеозначенной дилемме: как добиться такого уровня когнитивного развития, чтобы человек мог одновременно и управлять, и подчиняться, с одинаковым успехом овладев всеми машинами, знаниями по их эксплуатации, а также другими ремеслами, которые существуют вне стен предприятия.

Рационализация экономики

Социалисты во все эпохи провозглашали примерно одну и ту же мысль: что обобществление и коллективная, рационализированная экономическая деятельность лучше, чем то, что есть сейчас. Только в XIX столетии они смогли передать эту склонность языком научных терминов. Капиталистическое производство в их глазах представляло собой хозяйственную анархию, где все действует стихийно, иррационально. В вечной конкуренции между собой производители наводняют рынок своими товарами, чтобы не разориться и не потерять долю на рынке. В результате такого хаотичного «спама» ресурсы расходуются впустую и наступают кризисы перепроизводства. Напротив, социалистическое хозяйство – это рационализация производства, централизованное ею управление. Поскольку в социалистическом обществе уже не осталось бы частных собственников средств производства, управление всем производством передавалось бы государству, руководящемуся планом. С точки зрения социалистов это являлось не увеличением полномочий государственного института, а, напротив, ограничением его функции единственно до обеспечения материальных потребностей граждан, которые в социалистическом обществе уже не будут нуждаться в труде ради выживания. Такое государство должно направлять экономику в «нужном» направлении, обеспечивать координацию рабочей силы, не позволяет ресурсам растрачиваться впустую на капиталистические сбережения или роскошь. Оно уже не защищает собственность эксплуататоров, потому что нет ни собственности, ни эксплуататоров. В идеале оно не выполняет и полицейских функций, потому что в прекрасном будущем все будут всем довольны, а антагонистические начала классового общества и собственности – причины преступлений – станут историей. Можно сказать, что централизованный аппарат для распределения материальных благ, неизбежный в условиях обобществленного присвоения продуктов индивидуального труда, вообще не является институтом государства. В любом случае в условиях якобы безгосударственного социалистического общества именно экономика остается централизованно управляемой определенным органом, имеющим власть это делать, в том числе направлять трудовые ресурсы, т. е. граждан, туда, куда этот орган решит, а значит, такой орган обладает властью над временем человека и может распоряжаться хотя бы его частью.

Революция

Формально, в социалистических движениях подход к переходу от капиталистических отношений к социалистическим через революцию или эволюцию был различным. Так, марксисты-ленинцы представляли собой более радикальную силу, предлагающую революционный путь и диктатуру пролетариата, дабы «экспроприировать экспроприаторов», чем их соратники по партии РСДРП меньшевики или эсеры. Однако были социалисты менее радикальные, которые адаптировались к условиям парламентской демократии и предлагали эволюционный, а не революционный, путь – такие как Эдуард Бернштейн, создатель современной социал-демократии, а также – позднее – российские меньшевики. Строить социалистическое общество предполагалось постепенно, путем принятия необходимых фискальных и трудовых законов (легальная частичная экспроприация собственности в руки государства через налогообложение, национализация с компенсацией, трудовой кодекс), секуляризации общества (т. е. уничтожение такой основы для эксплуатации, как Церковь; лишение ее социальной функции путем вытеснения из сферы образования; национализация храмов и т. д.), развития государственного социального обеспечения (которое должно уничтожить экономическую зависимость членов моногамной семьи друг от друга) и т. д. Однако социал-демократия такого типа была скорее отходом от социализма. Социализм, как я полагаю, всегда революционен и не может иначе.

Это явственно видно по его целям – покончить с несправедливостью и неравенством, победить природу, достигнуть полного контроля над экономикой и покончить со старыми институтами. Даже если это не делается буквально через революцию в духе 1917 г., само по себе стремление такого рода всегда революционно и представляет собой вызов внешнему миру.

Добровольная община и масштабный эксперимент

Последний важный момент – масштаб социалистической практики и участие в ней на добровольных или мобилизационных началах. Как практическая реализация идеи, социализм почти все время своего существования пребывал на уровне отдельной общины с добровольным членством в ней и, как правило, свободным выходом из нее. Собственно, этим прото-социалисты, как правило, и довольствовались. Только в XX в. коммунизм смог перейти на национальный уровень и впервые – в России, вооруженный не протосоциалистическими и утопическими идеями прошлого, а т. н. «научным коммунизмом», вобравшим в себя опыт и идеи прошлых веков, но представляющим собой целую теорию развития социально-экономических отношений. Здесь он уже перестает быть добровольным. Социалистические идеалы реализуются путем непрекращающегося террора над всеми, кто не желает участвовать в эксперименте построения социалистического, принципиально нового, общества. Так происходило практически везде, где последователям социализма удавалось захватить власть (крайне редко социалисты приходили к власти демократическим путем, как, например, в Чехословакии в 1946 г., когда они набрали большинство голосов; но и там они уже через два года совершили переворот). Почему так происходит? Ответ очень прост: иначе столь радикальные идеи просто невозможно реализовать.

* * *

Суммируя все вышесказанное, мы можем сказать, что социализм, в сущности, стремится к тому, чтобы избавить человечество от всех ограничивающих его «я» факторов, дабы он смог раскрыть себя в соответствии со своей волей. Факторы складываются в определенных обстоятельствах и определенными обстоятельствами, вращающимися вокруг извечного столкновения человека с природой в борьбе за само существование, которые и нужно устранить, чтобы разорвать «порочный круг» ограничения. На протяжении большей части истории социалисты указывали прежде всего на социально-экономические факторы, апофеозом чего стало учение Маркса или «научный социализм». Однако, как мы увидим в последней части книги, это вовсе не обязательные и единственные факторы, которые могут интересовать представителей социализма, и им вполне удалось теоретически переместить акцент от социально-экономических до биологических и культурных факторов. Сие, к слову, совершенно неудивительно, так как, когда смещение акцента произошло, человечество в целом решило вопрос базового выживания, победив внешнюю природу. Последний рубеж – это природа внутренняя, но всему свое время.

Социализм от древности до XIX века

Древний протосоциализм

Мы не можем утверждать, что люди древности осознанно исповедовали социалистические учения, однако вполне можно говорить о существовании протосоциалистических идей и практик в Древней Греции и Персии. В Греции это социально-экономический строй дорийцев, Ямбул с его «островом солнца», гелиополиты и Платон; в Персии – маздакийцы.

Касательно дорийцев позволю здесь процитировать отрывок из собственной работы «Тора и другие: сравнительный анализ древних законов». Там я писал, что *«мы не ошибемся в оценке, если скажем, что дорийский Крит, как и дорийская Спарта, был одним из самых ранних образцов социалистических государств. Говорить о частной собственности в этих древних государствах не очень корректно, так как де-факто все имущество, включая землю, принадлежало обществу. Члены общества лишь временно владели имуществом. И пусть нас не введет в заблуждение решение вопросов наследования и раздела имущества в случае развода в гортинском законодательстве – характер наследования и раздела доказывает наш основной тезис. Так, в законах четко прописано, кому должно принадлежать имущество в различных ситуациях вроде развода или смерти – как мы помним, упоминаются ближайшие родственники, т. е. члены рода, филы. В нормальных условиях собственник мог бы и сам решить, кому достанется его имущество после его смерти, – но такой возможности у дорийцев не существовало. Очень важно было сохранить все материальное добро в рамках общины, не допустить перехода земли, дома и прочего имущества в руки апетайра, в собственность другого города и фила. Все эти блага буквально закреплялись за конкретными семьями и, по идее, должны были оставаться у них всегда. Это логично для культуры, которая стремилась сохранить социальное и имущественное равенство между членами общины. Именно поэтому законодатель предписал, чтобы юноши собирались в так называемые “отряды”, а взрослые – на общине трапезы (андриш), для того чтобы более бедные, питавшиеся за общественный счет, могли иметь равную долю с богатыми. Логично это и потому, что дорийцы были поголовными воинами, а воинам не пристало заниматься поисками пропитания, им нужно поддерживать воинский дух. К тому же неравенство между воинами ослабит отряд, вызовет зависть и интриги между боевыми товарищами. Поэтому работать должны были только покоренные, у воинов же есть выделенное общиной имущество, с которого они получают доход. Этим обусловлен весь строй дорийских полисов. И только в таком контексте мы можем говорить о частной собственности у дорийцев»* [348, с. 64].

В той или иной степени сказанное верно для любого греческого полиса, но у дорийцев порядки были куда строже, чем, например, у афинян. Общим местом было интуитивное презрение к торговле, от которого греки избавлялись по мере развития своих обществ и колонизации Средиземного моря. Иосиф Кулишер в «Очерке экономической истории Древней Греции» в качестве примера приводит цитату из Геродота, где он рассказывает о совете Креза Киру даровать лидийцам прощение и во избежание дальнейших бунтов с их стороны говорит: *«...отправь туда посла и запрети им носить оружие, прикажи надеть хитоны под верхнее платье и подвязывать высокие башмаки, вели им также обучать детей своим играм на кифаре и на арфе и торговле, и ты, царь, скоро увидишь их женицами, а не мужчинами, и больше не нужно будет опасаться, что они восстанут против тебя»*. Как отмечает Кулишер, торговля у греков *«свойственна людям слабым, превращает их в женщин; сильный человек добывает нужное ему силой, а не хитростью и обманом, – ибо последние качества считались характерными для торговца»* [160, с. 167].

Ямбул жил примерно в III в. до Р. Х., но биографических сведений о нем не сохранилось. К этому столетию греческая цивилизация уже не считала торговлю презренным занятием, так как она приносила полисам значительное богатство, куда надежнее, чем постоянное рискованное занятие пиратством. Всё, что мы знаем о Ямбуле, содержится в сочинениях историка Диодора Сицилийского, который рассказывает об «острове солнца», ссылаясь на Ямбула. Сам рассказ станет впоследствии своеобразной моделью для утопистов Средневековья и Нового времени, поэтому стоит рассмотреть его подробнее – многое, что впоследствии будет попадаться нам на страницах сочинений утопистов и социалистов Нового времени, уже содержится у этого древнегреческого автора.

Диодор рассказывает, что Ямбул с товарищем, оба торговцы, путешествуя по морям, каким-то образом попадают в плен к разбойникам, которые определили их в пастухи. Затем путники попадают в плен к эфиопам, имевшим обычай каждые двадцать поколений, по воле оракула, снаряжать судно с двумя гребцами и отправлять их на таинственный юг, на котором найдут остров со счастливыми людьми, где и проведут свою жизнь. Пережив всяческие опасности, Ямбул с безымянным товарищем все-таки достигают острова, где их встречают местные жители. Далее я привожу наиболее важные для нашей темы выдержки с описанием порядков на острове, взятые из сочинения Диодора:

«Жители этого острова значительно отличаются как особенностями тел, так и поведением от людей нашей части обитаемого мира. Ибо все они почти одинаковы по форме своего тела, высотой выше четырех локтей, и кости их имеют способность сгибаться в определенной степени, а затем выпрямляться снова, как жилы. Они также сильны телом, еще большие, чем мы, ибо, когда они держат что-то в руке, никто не сможет это отобрать. У них не существует волос нигде, кроме как на голове, бровях, веках и на подбородке, а другие части тела настолько гладки, что лишь внизу тело покрыто небольшим пушком. Они красивы внешне и части их тел пропорциональны. Их ушные отверстия больше наших, и там имеются своеобразные наросты, являющиеся своего рода клапанами для их закрытия... И самое замечательное из всего этого то, что одновременно они могут разговаривать с двумя лицами, которые общаются с ними, отвечать на вопросы и рассуждать, потому что одной половиной языка они могут беседовать с одним человеком, а другой – со вторым. Климат у них очень мягкий, потому что, говорят, они живут на экваторе и не страдают ни от жары, ни от холода. Кроме того, плоды на острове созревают в течение всего года. Здесь день всегда равен ночи, а в полдень никакой предмет не отбрасывает тень, потому что солнце находится в зените. Они живут совместно в группах, которые основаны на родственных связях, не более четырех сотен, и проводят свое время в лугах, где находят все необходимое для поддержания жизни, ибо благодаря плодородию почвы и мягкому климату продукты питания произрастают в большем количестве, чем достаточно для удовлетворения их потребностей... Есть также много источников, некоторые из них горячие, которые используются для ванн и снятия усталости, другие холодные, приятные для питья, являются уникальными для поддержания здоровья. Кроме того, жители уделяют внимание различным отраслям знаний, особенно астрологии... Люди живут очень долго и достигают, как правило, ста пятидесятилетнего возраста и не испытывают главным образом никаких болезней. Любой из них, кто стал калекой или страдает от какого-либо физического недуга, обязан, в соответствии с неумолимым законом, покончить с собой. И есть также закон среди них, который обязывает жить только в течение оговоренного количества лет и что по завершении этого периода они должны покончить с собой по собственному желанию, но странным образом, так как там растет своеобразное растение и всякий раз, когда человек ложится под него, то незаметно засыпает и умирает. Они не вступают в брак, как нам говорят, но имеют общих детей и содержат всех родившихся детей так, как если бы они принадлежали всем, с равной любовью. И так как дети у груди кормилицы часто меняются, то даже матери могут не знать свое

потомство. Следовательно, так как нет никакой ревности между ними, они никогда не испытывают гражданские беспорядки и они никогда не прекращают стремиться к достижению наивысшей гармонии. Каждое племя островитян разводит определенные виды очень больших птиц, которые используются для обнаружения природного расположения своих детей. Для этой цели они сажают детей на спины этих птиц, которые сразу уносят их в воздух, и тех из них, которые способны выдержать полет по воздуху, оставляют, но тех, кто испытывает тошноту и страх, они сбрасывают, потому что они лишены добрых качеств души и вряд ли будут жить много лет. Есть семь таких островов, все одинакового размера и разделены равными интервалами, и все они подчиняются тем же моральным принципам и тем же законам. Хотя все жители в избытке пользуются всем, что растет само по себе на этих островах, они не пользуются этим изобилием без ограничений, относясь ко всему с большой бережливостью. Практикуют простоту и принимают в пищу только то, что достаточно для удовлетворения их потребностей... Питание жителей подчиняется определенным правилам, так как не все они принимают пищу в одно время и не едят одно и то же. В определенные дни они должны питаться рыбой, в другое время птицей, иногда мясом наземных животных, а иногда и оливками, и самыми простыми гарнирами. Они также чередуются профессиями, некоторые из них занимаются промыслом, другие хозяйством, третьи занимаются другими полезными делами, и так все они, за исключением стариков, выполняют работы в группе, в определенном цикле» [89].

Итак, на что здесь стоит обратить внимание? Во-первых, у жителей острова явно нет проблем с ресурсами – они как будто бы в таком избытке, что для их получения нет необходимости работать на выживание. Чем не коммунизм, в котором технологии будут настолько хороши, что дадут все блага в избытке? Единственное отличие – у Ямбула избыток достигнут не технологиями, а благодаря особенному климату. Во-вторых, у островитян нет института брака, а дети обобществлены. Брак же назван причиной гражданских беспорядков и ревности. В-третьих, жители не знают разделения труда. Занятия чередуются, а жители прекрасно подкованы во всех родах деятельности.

С утопией Ямбула может быть связана деятельность пергамского царя Аристоника (Эвмена Третьего), в 130-е гг. до Р. Х. организовавшего восстание против римского господства, в котором значительную роль сыграли рабы и бедняки, привлеченные призывом Аристоника. Движение получило название «гелиополиты», т. е. «жители солнечного города», и есть версия, которая была особенно популярна среди социалистов XIX–XX вв., что Эвмен под влиянием идей Ямбула собирался совершить настоящую социальную революцию, основав новое государство Гелиополис. Правой рукой революционера был Гай Блоссий, римский философ-стоик из окружения демократического социального реформатора Тиберия Гракха. «Гелиополитам» действительно удалось нанести римлянам несколько поражений и захватить ряд городов, однако в конечном счете они не смогли выстоять перед военной машиной Рима, в результате чего Пергам потерял свою самостоятельность, став частью римской провинции Азия.

Древнегреческий философ Платон отчасти справедливо считается идейным предком социалистических идей и утопий. Карл Каутский даже считал его «Политейю» «первой дошедшей до нас философской, систематической защитой коммунизма» [136, с. 13]. Это, конечно, преувеличение, но тем не менее Платон действительно выразил в своей философии о лучшем устройстве государства что-то такое, что можно классифицировать как протосоциализм. Однако эта протосоциалистическая философия была очень своеобразной. Так, Платон предлагал отменить частную собственность только для «господствующего класса» – стражей, но не для крестьян и ремесленников. Отсутствие собственнического чувства рассматривалось как основа для единства. Обобществленный быт у Платона рассматривается как более совершенное существование человека по сравнению с физически трудящимися людьми, владеющими

собственностью. При этом стражи в то же время содержались бы за счет ремесленников и крестьян, т. е. никак не участвовали бы в производстве – именно такое неучастие позволило бы господам жить без необходимости в труде ради выживания, упражняться в воинском искусстве и заниматься философией.

Этот класс господ, именуемый стражами государства, должен был проживать в общем жилище (общедоступном для всех стражей); вкушать пищу совместно; воспитывать детей совместно и обобществить жен, т. е. отказаться от традиционной семьи и семейных уз. При этом дети не должны были знать своих родителей – и наоборот. Однако половые отношения не отдавались на волю страсти и случая, а должны были тщательно регулироваться государством. Для воспитания детей полагалось иметь специальные учреждения. Каутский называл все это «половым коммунизмом». Кроме того, Платон, как и современные социалисты, полагал за лучшее абсолютное равенство мужчин и женщин, вплоть до участия последних в военных кампаниях и одинакового воспитания.

Интересно решена проблема равенства среди господ. Благодаря тому, что стражам не нужно было работать, ибо за них это делали крестьяне и ремесленники, достигалось определенное равенство между стражами, ведь они получали одинаковые стартовые возможности, у них не было семьи, и они располагали одинаковым количеством времени для упражнений. Все это напоминает аргументацию современных социалистов в пользу безусловного базового дохода, который якобы позволит человеку не зависеть от обеспечения своих базовых потребностей, создать всем равные возможности на старте и реализовать себя в искусстве, науке и т. д. Определенно, между Платоном, которого условно можно назвать протосоциалистом, и социалистами последующих веков есть некая связующая нить. Конечно, не все социалисты были согласны с таким отношением к платоновскому государству. Так, Николай Бухарин писал, что социализм Платона «заключается в том, что организация рабовладельцев “товарищески” и “сообща” эксплуатирует массу бесправных рабов. Среди рабовладельцев – полное равенство и все общее. У рабов – нет ничего: они превращены в скот. Понятно, что здесь социализмом и не пахнет» [43, с. 62]. С другой стороны, протосоциализм Платона важен для понимания того, что идея обобществленного быта, где нет собственности, нет надобности в физическом труде, где все равны между собой, появилась по меньшей мере в классической Античности, а не в христианскую эру.

Еще одно протосоциалистическое учение, возникшее на исходе поздней Античности, возникло в V–VI вв. в Персии. Его основателем выступил зороастрийский жрец Маздак, поэтому синкретическое религиозное учение, а затем и целое социальное движение, стали называть маздакизмом. Жрец учил, что богатые и бедные равны между собой и все должно быть общим: собственность, жены, дети. Об этом повествуется в иранском эпосе «Шахнаме» [380]:

*Простому люду говорил Маздак:
«Мы все равны – богатый и бедняк.
Излишество и роскошь изгоните,
Богач, бедняк – единой ткани нити.
Да будет справедливым этот свет,
Наложим на богатство мы запрет.
Да будет уравнен с богатым нищий, —
Получит он жену, добро, жилище.
Свящую веру в помощь я возьму,
Свет, вознесенный мной, развеет тьму.
А кто моей не загорится верой,
Того Господь накажет полной мерой».*

Маздаку удалось войти в доверие к сасанидскому шахиншаху Каваду I, получив должности советника и казнохранителя царя. Он воспользовался этим, чтобы укрепить влияние своих сторонников, что стало настоящей катастрофой для всей страны, так как маздакий-цы начали на деле реализовывать слова своего учителя, обобществляя имущество, преследуя богатых и уничтожая институт брака, – это была настоящая социальная революция. Как говорит «Шахнаме»:

*Велел он: «Пусть жрецов Маздак возглавит».
Не знала рать: «Кто ж ныне царством правит?»
Стекались нищие к Маздаку в дом,
Кто пищу добывал своим трудом.
Повсюду ширилось его ученье,
С ним не дерзал никто вступить в сраженье.
Богатый роздал все, что он сберег,
И нищим подавать уже не мог!*

Исламский историк Ат-Табари в «Истории пророков и царей» писал, что Маздак вовсе не был родоначальником «еретического учения», но был последователем некоего Зарадушты, сына Хурракана. «Когда власть Хосроя упрочилась, он искоренил еретическое вероучение, основанное в рамках учения магов лицемерным человеком из Фаса, по имени Зарадушты, сын Хурракана. Люди <в большом числе> примкнули к этой его ереси, и он благодаря этому стал очень могущественным. К числу тех, кто призывал простой народ к этой ереси, принадлежал человек родом из Мадарийи, по имени Маздак, сын Бамдада. Он наказывал людям, поощрял и побуждал их на равных правах пользоваться имуществом и женами; он говорил, что это является таким благочестием, которое угодно Аллаху, за которое Аллах награждает лучшей наградой, и что если бы это, к чему он призывает и побуждает, даже не предписывалось вероучением, то все же во благодействовании другим – благородство, и взаимной поддержкой снискивается благоволение Аллаха. Этой проповедью он восстановил простой народ против знати; смешались всякого рода низменные люди с благородными, и легко стало любителям чужой собственности насильно присваивать себе таковую, беззаконникам – совершать беззакония, прелюбодеям – утолять свою страсть и овладевать женищинами благородного происхождения, о которых они ранее не помышляли, и одолело людей такое бедствие, подобного которому они еще не видели никогда... Последователи Маздака утверждают, что они отбирают у богатых в пользу бедных и возвращают нищим то, что отбирают у имущих, ибо если у кого-нибудь есть избыток денег, жен и прочего имущества, то из этого не следует, что ему принадлежит преимущественное право на все это. Простой народ использовал этот удобный случай, примкнул к Маздаку и его сторонникам и сплотился вокруг них. Людям пришлось много претерпеть от маздакитов, положение которых настолько упрочилось, что они могли врывать в дом человека и отбирать у него жилище, жен и достояние, тогда как он не имел возможности сопротивляться им. Они побудили Кобада одобрить эти их действия, угрожая в противном случае низложить его. Недолго продолжалось такое положение вещей, а уже не знал человек своего ребенка, и ребенок не знал своего отца, и не оставалось у человека ничего, чем бы он мог разжиться» [17].

После нескольких лет такого своеобразного древнеиранского социализма страна, если верить хронистам, оказалась на грани катастрофы. Знать, недовольная подобным положением дел, объединила свои силы, чтобы отстранить Кавада, покровителя маздакийцев, от власти. Однако уже через несколько лет, в 499 г., шахиншах вернул себе трон, но поддержку Маздак потерял окончательно. Маздакийцев стали постепенно подавлять, но движение было столь

сильным, а его деструктивное влияние на социально-экономические отношения столь долго-временным, что лишь в 528 г. Хосрой, сын Кавада (упомянутый в начале цитаты из Ат-Табари), казнил Маздака и наиболее радикальных его приверженцев и инициировал процесс возвращения собственности, отнятой маздакийцами у законных владельцев. Также Хосрой распорядился взыскать с фанатиков компенсации за ущерб имуществу и изнасилование женщин, разобраться с принадлежностью детей отцам и их наследством и позаботился о знатных детях, потерявших своего кормильца во время террора маздакийцев, взяв их себе на службу. Это была одна из первых политически успешных, но социально-экономически печальных попыток построить «рай на Земле».

Были ли первые христиане социалистами?

Многие социалисты, в том числе Каутский, находят в древнехристианских общинах отголоски своих идей. Однако тот же Каутский скоро подмечает, что это «коммунизм средств потребления» и никогда – производства. В действительности ни раннее, ни позднее христианство вообще не может быть обнаружено как социалистический опыт. Христиане не стремились к обобществлению собственности, вопрос с ней решался в добровольном порядке, обычно как дар общине на ее нужды как общины. В самом по себе владении чем-либо не усматривалось зла или источника зла. Богатство как дополнительная трудность для вхождения в Царство Божие – это притча, а не призыв к социальному действию. В конце концов, большинство людей являлись простыми собственниками как средств производства, так и средств потребления, но богатыми не были. Такими было и большинство ранних христиан, хотя довольно скоро они нашли симпатии и среди римской аристократии.

Первые христиане собирались друг у друга в домах. Если это был зажиточный христианин, то его дом более чем подходил для братских встреч – но никто не стремился этот дом обобществить. Христиане занимались обычной гражданской деятельностью, как и все, даже на порядок лучше – целенаправленно стремясь обозначить себя как образцовых граждан Империи, не заслуживающих гонений и недоверия властей и общества. Что более важно, в христианстве совершенно отсутствует идея социального равенства как некой цели. Напротив, христиане сохраняли свое социальное положение и даже не стремились отменить рабство – все это происходило в добровольном порядке, из христианской любви братьев и сестер друг к другу, а не ради равенства. Только лишь перед Богом и во Христе признавалось равенство всех людей как существ одной природы, пользующихся одинаковой любовью Творца.

Книги Библии для христиан всегда являлись авторитетным источником по многим вопросам, с которыми человеку приходится сталкиваться на протяжении своей жизни. Поэтому то, что там написано, вполне может отражать христианскую точку зрения с самого начала существования христианских общин. О равенстве и частной собственности там написано вполне достаточно. В Священном Писании есть замечательная притча в Евангелии от Матфея, глава 20:6-15, где рассказывается о работодателе и работниках в винограднике: *«Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следоват будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем деле, что хочу? или*

глаз твой завистлив оттого, что я добр?» Как мы видим из этой притчи, у работодателя есть право назначать плату работникам согласно договору с ними, а не в соответствии с представлениями о «справедливости» у работников. Добровольный договор – основа взаимоотношений между сторонами. Христианская Церковь поведение хозяина виноградника не осуждала – благо он, вообще-то, был образом самого Бога в притче.

Рассмотрим другой эпизод. Евангелие от Луки, глава 18: «...некий богатый человек спросил Иисуса: “Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?”; – на что Господь ответил: “Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца твоего и мать твою”». Человек в ответ сказал, что с юности соблюдает эти заповеди. Далее мы читаем: «Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною. Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат. Иисус, видя, что он опечалился, сказал: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Слышавшие сие сказали: кто же может спастись? Но Он сказал: невозможное человеку возможно Богу». Здесь следует обратить внимание на то, что вопрос спасения богатых, которым сложно войти в Царство Небесное, может решить только Бог – это возможно только с Его помощью. Нет и намека на некий социальный строй, который мог бы разрешить противоречие между привязанностью к богатству и спасением человека. Обычно социалисты используют этот отрывок в свою пользу. Но в нем видно, что Христос вовсе не обрекает богатых на смерть, напротив, и они спасутся через силу Бога. Человеку же разрешить эти вопросы не под силу.

Далее. В заповедях Божьих мы видим, что из десяти заповедей три посвящены вопросу неприкосновенности собственности: не кради (седьмая), не желай жены ближнего твоего (девятая), не желай имущества ближнего твоего (десятая). Обратите внимание, что грехом является даже само желание чужого имущества, намерение его присвоить. Стоит ли говорить, что социализм с его перераспределением здесь совсем не к месту?

Есть в Писании и о природном неравенстве. В Евангелии от Матфея, глава 25:14–30, читаем: «Ибо Он поступит как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Ни о каком стартовом

равенстве здесь не может быть и речи. Бог каждому дает таланты, которые человек может развивать в себе, но никогда эти таланты не «равны» между собой.

Ничего социалистического нет и в христианском отношении к браку. Напротив, только он и являлся единственным, законным, богоугодным способом преодолеть искушения плоти и избежать греха прелюбодеяния (Первое послание к Коринфянам, 7:2, 7:5, 7:8–9). Отношения между мужем и женой уподобляются отношениям Христа и Церкви (Послание к Ефесянам, глава 5). При этом власть над телами друг друга принадлежит обоим супругам в равной степени (Первое послание к Коринфянам, 7:4) – крайне противоположная социалистической точка зрения, согласно которой люди могут сходить и расходиться, когда им будет угодно, в зависимости от изменчивых чувств. Безбрачие, как пишет Павел, желательно, но не обязательно и зависит от дара, которым Бог наделил каждого индивидуально, т. е. не все христиане обязаны были уклоняться от брака, но безбрачие считалось более высоким, с духовной точки зрения, призванием. Существенным для христианства в целом и для ранних христиан в частности отличием от социалистического понимания брака является тот факт, что брак в христианстве регулируется вечным законом Бога и обязательствами мужа и жены, а не переменчивыми чувствами и желаниями. Последнему в таком браке уделяется место, но второстепенное, не ключевое.

Конечно, Каутский и другие социалисты могли бы увидеть протосоциализм у ранних христианских общин, но лишь по невнимательности. Несведущему человеку было бы легко спутать ранние общины последователей Христа с гностическими сектами, которые использовали отдельные христианские элементы для своего синкретического учения. Гностики презирали материальное начало, отвергая наличие оно у Христа, считая, что Он лишь казался человеком, но таковым не являлся. Строгий дуализм, противопоставление духовного материальному позволяли отдельным гностикам доходить до того, что даже прелюбодеяние не являлось грехом, если не вредило вечной душе, а дела плоти мало беспокоили их. Отсюда было недалеко до идей обобществления жен. Кроме того, гностики были достаточно закрытой от внешнего мира общиной, в отличие от миссионерствующих христиан, что роднит их с социалистами Средневековья, к которым мы перейдем далее.

Некоторые видят своеобразную практику социализма в христианских монастырях. *И действительно, монахи жили в условиях общего имущества и средств производства – значит они были коммунистами? Разумеется, нет. Монахи не собирались строить новое общество, где нет иерархии и собственности, предпочитая ограничиваться своим добровольным выбором в пользу того или иного устава и прекрасно понимая, что их выбор – это следствие призвания свыше. Монастыри не собирались распространять и навязывать принципы своего устава среди крестьянства или в городах; более того, они скорее были сторонниками сложившейся иерархии в обществе. Их вполне устраивала концепция Адальберона Ланского о троичном устройстве социума – знаменитые «тот, кто воюет; тот, кто молится; тот, кто трудится». Монастырь – учреждение консервативное, где очень хорошо накапливаются богатства и развиваются промыслы за счет труда самих монахов, их бережливости и прекрасной организации. Ирония еще и в том, что монахи сами были поборниками, а местами даже теоретиками, идеи частной собственности.*

Доминиканский монах и учитель Церкви Альберт Великий в XIII столетии опровергал идеи Платона об общности имущества. Схоласт считал, что обобществление собственности разрушает государство и отнимает счастье у граждан. Раздельное владение Альберт называет более соответствующим человеческой природе, поскольку каждый человек о своем заботится лучше, чем о чужом или общем. Богослов подмечает, что частное владение поощряет добродетели: щедрость, помощь друзьям, странникам и беднякам и т. д., при этом владелец получает высшее удовольствие от такой благотворительности. В условиях обобществления имущества люди лишены такой возможности. Что интересно, Альберт Великий в критике Платона (выра-

жавшего свои левые идеи устами Сократа) предвосхищает аргументацию противников социализма новейшего времени – он ссылается на отсутствие проверки социалистического строя опытным путем: *«Сообщение Сократа, что все должно быть общим, экспериментально не подтверждено, полезно это или нет»* [351, с. 129].

Ученик Альберта Великого, доминиканский монах и учитель Церкви Фома Аквинат продолжил разрабатывать вопрос о собственности. Фома разделил право пользования (usus), владения (possesio) и господства (dominium). В условиях общности может быть реализовано только usus, в то время как possesio и dominium требует заботу и попечение каждого человека о собственном достоянии. В «Сумме теологии» мы читаем: *«...в отношении внешних вещей человек обладает двумя правами. Во-первых, он имеет право приобретать их и распределять, и в этом отношении человеку законно обладать собственностью. Кроме того, это необходимо для человеческой жизни, и на то есть три причины. Первая – та, что любой человек прилагает больше усилий для приобретения своего, чем того, что общо многим или всем, и потому в том, что касается общества, человек предпочитает уклоняться от работы и оставлять ее другим, как это <нередко> бывает там, где <слишком> много слуг. Вторая – та, что человеческие дела вершатся более упорядоченно, когда каждый человек отвечает за какую-то конкретную вещь, в то время как в том случае, когда каждый заботится обо всем сразу, дела приходят в упадок. Третья – та, что в наиболее мирном состоянии люди пребывают тогда, когда каждый довольствуется тем, что имеет. Действительно, как правило, ссоры наиболее часто возникают там, где вещи не разделены между их обладателями. Второе право, которым обладает человек в отношении внешних вещей, это <право> пользоваться ими. Но в этом случае человек должен обладать внешними вещами так, как если бы они были собственностью не <только> его, но и всех, то есть так, чтобы в случае необходимости он был готов дать их другим. Поэтому апостол говорит: “Богатых в настоящем веке увещивай, чтобы они... были щедры, общительны” и т. д.»* [382].

Кроме того, в этом же разделе Фома отвечает на отсылки к авторитету Василия Великого, цитирует святого Августина и Амвросия. Комментируя слова Василия Великого: *«...богачи, полагающие своею собственностью ухваченные ими общественные блага, подобны тем, кто, загодя придя в театр, не дает заходить другим, желая самолично пользоваться тем, что предназначено для всеобщего использования»*, Фома Аквинат отвечает: *«...если бы человек загодя шел в театр для того, чтобы проложить путь другим, то он бы действовал в рамках закона, незаконность же его действий заключается в том, что он, поступая так, препятствует заходить другим. И точно так же богач действовал бы вполне законно, если бы он, опередив других при взятии чего-либо из того, что вначале было общественной собственностью, при этом не препятствовал бы и им брать свою долю, но он грешит, если препятствует всем без разбора пользоваться ею. В связи с этим Василий говорит: “Для чего вы богаты, а другой – беден, как не для того, чтобы вам заслужить награду за доброе пользование, а ему – за смирение?”»* [382]. Некоторые социалисты полагают, что Василий говорит здесь о частной собственности вообще, однако речь тут идет только об usus. Так же в комментарии Фомы к цитате Амвросия: *«Когда Амвросий говорит: “Никому не дозволено объявлять своим то, что является общим”, он имеет в виду собственность с точки зрения пользования <нею>, по каковой причине <далее> он прибавляет: “Тот же, кто тратит ее сверх меры, является расхитителем”»* [382].

Цитата Августина дается в таком контексте: *«...сказанное Августином, что “<так называемые> «апостольствующие» с чрезвычайной самонадеянностью усвоили себе это имя потому, что не допускают в свои общины людей женатых или обладающих какой-нибудь собственностью, хотя таковыми же являются монахи и клирики, коих в католической церкви немало”. Причина же того, что эти люди стали еретиками, была та, что, отъединившись от Церкви, они думали, что те, которые наслаждаются пользованием вышеупомянутыми*

вещами, которых сами они лишены, не имеют надежды на спасение. Следовательно, ошибочно утверждать, что человек не вправе обладать собственностью» [382].

Упомянув об Амвросии (я полагаю, что речь в «Сумме теологии» идет об Амвросии Медиоланском), следует упомянуть его цитату, которую приводит Фома: *«Завладение имуществом обеспеченного есть не меньшее преступление, чем когда обеспеченный отказывается в просьбе нуждающемуся» [382].* Иными словами, воровство у богатого ничем не отличается от поведения богатого, который отказывается помогать бедным.

Т. Д. Стецюра в книге «Хозяйственная этика Фомы Аквинского» пишет, что *«в ходе одного из диспутов, проводившихся в Парижском университете между 1269 и 1272 гг., схоласт пришел к следующему заключению: неумеренная любовь к деньгам и к обладанию вещами не является смертным грехом в том случае, если человек не превращает стяжательство в главную цель своей жизни, не покушается на чужое имущество, творит дела милосердия, а самое главное – “не отступает от Христа”» [351, с. 140].*

Таким образом, христианская религия в равной степени не одобряет ни обобществления, ни злоупотребления богатством. Богатство нравственно допустимо тогда, когда богатый использует его на общее благо – в частности, помогает бедным, разделяя свое богатство с нуждающимися. Но это должно происходить добровольно, в противном случае насильственное принуждение имущих к разделу имущества равносильно воровству и даже грабежу. В рамках понятия *usus* и злоупотребления *possessio* можно привести в пример источник воды, которым нельзя владеть, не давая пользоваться им другим людям, поскольку вода принадлежит всем, сотворена Богом и не является результатом труда владельца. Владелец может извлекать некоторую прибыль от своего владения источником воды, скажем, для поддержания хорошего состояния оно и в качестве вознаграждения за такое полезное управление им. Но он не может запрещать пользоваться этим источником. Социалисты превратно понимают такой подход, полагая, что подобное правило распространяется на все типы *possessio*, независимо от того, как возникло право собственности, каким образом владелец вступил в эти права. А ведь вступить в права собственности можно по-разному: через труд, через дар и наследование, через покупку, через закон и даже через обычай.

Несовместимость социализма с христианством – исторический факт. Это касается любого периода христианской истории, и ранние христиане ничем в своем отношении к собственности, равенству, социальной революции, институту брака и т. д. фундаментально не отличаются от всех последующих поколений христиан, которые развили и раскрыли все то, что в императивном виде содержалось в первых текстах христианства. Так, противопоставление христианской и социалистической позиций раскрыто в папской энциклике Льва XIII *Regum Novarum*, изданной в 1891 г. и положившей начало социальному учению Церкви: *«Чтобы преодолеть это зло, социалисты, рассчитывая на зависть бедных к богатым, предлагают уничтожить частную собственность и требуют, чтобы личное имущество стало общим и находилось в ведении государства или местных властей. Им кажется, что, передав собственность от частных лиц обществу, они исправят нынешние беды, ибо каждый гражданин будет иметь долю во всем, что ему может понадобиться. Однако предложения эти настолько непригодны, что, если выполнить их, рабочие пострадали бы первыми. К тому же они несправедливы – ведь, следуя им, пришлось бы ограбить законных владельцев, впустить государство туда, где ему не место, и совершенно расстроить общественную жизнь. Никак нельзя отрицать, что, когда человек работает за деньги, он стремится к тому, чтобы приобрести собственность и ею владеть. Если кто-то отдает другому силы и умение, он хочет за это получить то, что нужно ему для жизни, и явно предполагает приобрести законное право не только на вознаграждение, но и на то, чтобы вознаграждением этим распорядиться. Еще важнее, однако, что подобные средства не согласуются с требованиями справедливости. Каждый человек имеет от природы право владеть собственностью, она ему принадле-*

жит. Этим, среди прочего, и отличаются люди от животных. Животное не может управлять собой, им управляют два главных инстинкта, из-за них чувства его настороже, оно пользуется своей силой и совершает те или иные поступки, не имея возможности выбора. Инстинкты эти – самосохранение и сохранение вида. Оба они достигают цели при помощи средств, которыми располагает животное; оно не может выйти за пределы окружающего, ибо им движут лишь ощущения и то, что оно воспримет чувствами... Многие впадают в великое заблуждение, полагая, что один класс общества естественно враждебен другому; что сама природа велела богатым и бедным постоянно воевать друг с другом. Взгляд этот неразумен и ложен, истина прямо противоположна ему. Как симметрия человеческого тела обусловлена расположением его частей, так и в государстве, по самой природе, классы эти должны жить в полном согласии, приспособляясь друг к другу и поддерживая равновесие целого. Каждый нуждается в другом; капитал не может обойтись без труда, труд – без капитала. Взаимное согласие рождает лад и порядок, непрерывная же борьба разрешается смутой и одичанием» [167]. Эта энциклика издана в конце XIX столетия, но опирается на давнюю традицию Церкви рассматривать частную собственность как неотъемлемое право человека, как необходимость, без которой невозможно мирное сосуществование людей и классов.

Христианство не придумывало социализм, а ранние христианские общины его не практиковали. Выше мы видели, что протосоциалистические проекты существовали задолго до христианства в Греции (Ямбул, гелиополиты, Платон) и, позднее, даже переведены из теории в практику в Иране. Учение Маздака хоть и моложе христианства, однако основано не на христианских идеях, а на искажении зороастрийских священных текстов. Разумеется, это не значит, что зороастризм нес в себе социалистическое начало. Поразительная схожесть протосоциалистических идей, появившихся независимо друг от друга и в разное время в Греции и Персии, говорит скорее в пользу того, что социализм исходит из неких внутренних качеств, свойственных каждому человеку. Однако этот интересный вопрос уже несколько выходит за рамки нашей работы, поэтому перейдем к следующему этапу в истории благих намерений.

Еретический коммунизм Средних веков

Начиная с французских вальденсов и итальянских патаренов (XI–XIII вв.), по европейскому континенту стали распространяться протокоммунистические секты, имевшие многие характерные для социализма признаки. Карл Каутский именовал их «еретическими коммунистами», поскольку эти секты совмещали свои социальные проекты с христианской ересью.

Особенностью еретиков-коммунистов (протосоциалистов) являлось стремление к аскезе. В ней они противопоставляли себя и официальной религии, особенно папе римскому и его епископам – и вообще всем имущим. Здесь возможно влияние христианского аскетизма, популярного в ту эпоху, поскольку аскеза сама по себе не то чтобы столь характерна для социалистического учения. Однако у «еретических коммунистов» имелись черты, которые стали общим местом для социалистов следующих поколений. Во-первых, это интернационализм (чего не было у Платона, ибо его утопия «националистическая», т. е. предназначена для ограниченного использования среди представителей одного народа). Во-вторых – революционность (особенно у таборитов и сторонников Томаса Мюнцера, – впрочем, революционерами были и маздакийцы). В-третьих, они отрицали частную собственность, считая ее источником зла. Все эти черты подмечаются Каутским как родственные с «современными пролетарско-коммунистическими движениями» [136, с. 137].

Вальденсы и патарены, кроме того, что занимались нападениями на священников и «обобществлением» их имущества, придерживались идеи отказа от частной собственности, нигде не работали, были крайне антиклерикальны и негативно относились к браку. Хотя последнее сочеталось с тем, что мужчины их проповедовали совместно с «сестрами», были

равны и спали на одной постели [136, с. 148]. Патарены были настроены революционно и под предводительством своего вождя Дольчино, в числе не менее пяти тысяч человек, совершали нападения на дворян и церковников. Им удалось удерживать небольшую территорию в регионе Пьемонта, где они терроризировали монастыри, усадьбы и мелкие города. Иногда патаренов записывают в катары и, в частности, их считают «жертвами» Крестовых походов.

Другое дело – бегарды, возникшие в Нидерландах примерно в тот же период. Изначально это были добровольные общины ткачей, ведущих совместное производство в условиях оригинальной трудовой дисциплины и расходующих прибыль на помощь беднякам. Они не были революционерами, не были враждебны Церкви (напротив, скорее даже получали похвалу от нее) и не стремились практиковать обобществление жен и детей. Бывало, что дома бегардов впоследствии превращались в обычные мужские монастыри. Однако члены таких общин в дальнейшем хорошо рассеялись по многим регионам Европы, что привело к появлению таких течений бегардов, которые уже не отличались вышеперечисленными качествами. Эти течения не желали мирного существования в имеющихся социально-экономических отношениях и проповедовали идеалы хилязма и социальной справедливости, причем их организация отличалась от оригинальных бегардов тем, что походила на тайные общества с разветвленной сетью агентов, а не открытое добровольное сообщество. Каутский пишет, что на таких бегардов сильно повлияло учение протокоммуниста Амальриха Венского и его секты амальрикан, которая призывала к обобществлению имущества и жен, равенству, анархизму и, что интересно, придерживалась пантеизма [136, с. 166–167].

В Англии бегардов называли лоллардами. Идеи были те же, и, в частности, их выражал в своих проповедях «сумасшедший священник из Кента» [136, с. 181] Джон Болл, бывший одним из множества таких активистов, имя которого дошло до нас. Он призывал к обобществлению имущества, ликвидации дворян и крепостных (т. е. классов), социальному равенству. Возможно, что лолларды сыграли не последнюю роль в крестьянском восстании 1381 г. Нельзя сказать, что требования крестьян в таких восстаниях, вроде отмены привилегий дворянства на пользование природными ресурсами, были коммунистическими – скорее разумными и прагматичными. Крестьянам зачастую удавалось договориться с дворянством, получив частичное выполнение своих условий, но это не относилось к идейным активистам, которые хотели пойти дальше простых потребностей крестьян в отмене некоторых повинностей или некоторого признания их прав. Поэтому некорректно считать любые крестьянские восстания, где принимали участие протосоциалистические активисты, коммунистическими по характеру в принципе. После того как крестьянам удавалось выторговать себе уступки, они быстро покидали таких революционеров, как Дольчино или лолларды. Вероятно, большевики, которые после 1917 г. еще долго боролись с крестьянством, помнили об этих исторических уроках.

Интереснее и успешнее всех в средневековых протосоциалистических движениях были т. н. табориты, вышедшие из чешского гуситского движения, названные так по имени их главного центра – поселения на горе Табор. Как ни странно, в Таборе проживало много ткачей, что заставляет нас вспомнить о тайных движениях бегардов, упомянутых выше.

Учение таборитов действительно можно назвать протосоциалистическим. Они учили, что *«на земле не должно быть ни королей, ни властелинов, ни подданных; налоги и подати должны быть уничтожены; никто не может принудить к чему-либо другого, ибо все должно быть братьями и сестрами. Подобно тому как на горе Таборе нет ничего твоего или моего, но все общее, так и для всех людей все должно быть общим, и никто не может иметь собственности; кто же ее имеет, тот творит смертный грех»* [136, с. 207]. То есть мы видим, что табориты учили социальному равенству и обобществлению собственности. Последнее они считали источником несправедливости. В отличие от древних христиан, которым они пытались подражать, табориты делали отказ от имущества обязанностью всех людей, а не добро-

вольным актом воли человека, который следует своему призванию. Кроме того, табориты были убежденными и воинствующими антиклерикалами, требуя физического уничтожения храмов.

В среде таборитов были, как и положено каждому подобному движению, умеренные и радикальные течения. Каутский называет последних «строгими коммунистами-таборитами» [136, с. 208]. Их строгость заключалась в желании идти по пути обобществления дальше, чем общие средства потребления, и начать полноценно практиковать обобществление жен, детей и средств производства. Кроме того, они отвергали безбрачие священства, практикуемое нелюбимой ими Католической церковью, и ненавидели монашество. Это коммунистическое устремление привело к появлению отдельной секты адамитов, ходивших нагими и совокупающихся между собой, как приводит Каутский слова Энея Сильвия, так: «...но когда один из них бывал охвачен возделением к женщине, то он брал ее за руку и, приведя к главе, говорил: “Дух мой воспылал любовью к ней”. А тот ему отвечал: “Идите, плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю”». В итоге адамиты были уничтожены и сожжены на кострах «умеренными» таборитами под руководством Яна Жижки. Поражение адамитов Каутский описывает как «прекращение попыток ввести строгий коммунизм» [136, с. 210].

Томас Мюнцер и его протосоциализм

В XVI столетии самые яркие эпизоды в истории социализма наблюдались в Германии. Это неудивительно, ведь именно тогда и именно в Германии произошло событие, навсегда изменившее облик Европы, – Реформация. Некоторых радикальных последователей этого движения многое роднит с протосоциалистами прошлого – стремление к имитации раннехристианской жизни как некоего идеала в совокупности с антиклерикализмом и секуляризацией монастырей. Однако не все деятели реформационных перемен вошли в «пантеон» социализма. Лютер и Кальвин не вошли в него, а вот Томаса Мюнцера Каутский называет «центром всего германского коммунистического движения» с 1521 по 1525 г. [136, с. 252].

Мюнцер родился в немецком городе Штольберге, стал священником и проповедовал в некой церкви Святой Екатерины, которая, как указывает Каутский, была «сборным пунктом общества сукноткацких подмастерьев» [136, с. 255]. Этот «священник», уже во время своей активной проповеднической деятельности практиковал ярый антиклерикализм и ненависть к официальной Церкви; в своем стремлении к равенству, которое он горячо проповедовал, Мюнцер считал необходимым физически уничтожать храмы, как через несколько сотен лет будут делать большевики и иже с ними. По всей видимости, тесно общаясь с ткачами, особенно с неким Николаем Шторхом, Томас соприкоснулся с «еретическим коммунизмом» бегардов. Именно Мюнцер, как пишет Каутский, первым ввел богослужение на немецком языке и демократизировал тексты Священного Писания (т. е. раньше, чем это сделал Лютер). Однако ошибочно полагать, будто сей протокоммунист был христианином, а его левые идеи вышли из христианской религии. Напротив, они вышли из противодействия христианству так же, как выходят все левые идеи вообще. Читаем у Каутского: «...существенные признаки Мюнцеровой философии: его мистицизм, презрение к Писанию, поскольку оно не опирается на голос внутреннего откровения, которое достигается лишь путем аскетизма, путем страдания, его презрение к ученым, наконец его пантеизм и религиозная терпимость... язычники и турки, по его словам, были не хуже христиан» [136, с. 259]. Аналогичное равнодушие к собственно христианской идее спасения только через Христа были у таборитов и прочих «еретических коммунистов», точно так же мыслят социалисты и сегодня в рамках мультикультурализма.

В ненависти Мюнцера к правящим классам отчетливо просматривается все то, что станет реальностью социалистической практики в XX столетии. Он писал, что «теперь отлично видно, как угри и змеи совокупаются между собою на одной куче. Попы и все злое духовенство, это змеи... а светские властители и правители – это угри... Ах, господа, как хорошо Господь

Бог разобьет старые горшки железной палкой» [136, с. 263]. Разумеется, под железной палкой Мюнцер имел в виду себя. Призывал он и к организованному террору против «безбожников», но под последними имел в виду вовсе не атеистов, а конкретные социальные классы. Томас выражал коммунистические идеи религиозными понятиями, которые могли бы быть поняты в его время, но в сущности говорил то же самое, что Ленин: «...да, бесчисленному множеству людей это кажется невероятным мечтанием; они не в состоянии представить себе, что было подготовлено и выполнено такое дело, благодаря которому безбожники будут лишены права судить, и право это получают униженные и простые люди» [136, с. 265]. Ну чем не борьба против угнетения?

Для Лютера и немецких князей, прежде всего самих же протестантов, Мюнцер был настоящей проблемой, так как постоянно передвигался с места на место и агитировал к восстанию, используя, вероятно, ту самую тайную сеть бегардов, которая давно функционировала в стране. В частности, он смог организовать мансфельдских рудокопов, а организованный им в городах Алыптэте, Зангерсгаузене, Цвикау и других городах тайный союз ставил своей целью следующее: «...одним из основных принципов общества, осуществить который оно стремилось, — *omnia sunt communia* (все общее), и каждому все должно даваться по мере его потребности. Если бы какой-либо князь, граф или господин не захотел поступать так, когда этого требуют, то его решено было обезглавить или повесить» [136, с. 271].

Агитаторский талант Мюнцера воплощался на практике в переворотах и восстаниях. Так, произошел переворот против городского совета Мюльгаузена, и ненадолго (1524–1525 гг.) в городе воцарились «еретические коммунисты» под предводительством Генриха Пфейфера. В Нюрнберге Мюнцер издает сочинение, в котором пишет о жителях города: «...им нравится хорошая жизнь, пот ремесленников сладок, но сладость эта может сделаться горькой, как желчь. Тут не помогут никакие размышления, никакие увертки, истина должна открыться; им не поможет, что они цитируют стихи из Евангелия; люди голодны, они хотят есть» [136, с. 276]. В 1525 г. восстания проходили во многих регионах, как пишет сам Мюнцер в одном из своих писем: «На Святой неделе разрушено четыре монастырские церкви на Фульде.

Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда восстали в числе 30 тыс., и рать их прибывает с каждым днем... Итак, за дело, за дело! Пора, злодеи трусили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться» [136, с. 284–285]. Лютер, со своей стороны, отреагировал на эти восстания очень характерно в одном из своих писем: «Крестьяне же глупы. Они не слушаются слова и безумствуют, поэтому они должны познакомиться с *virga*, т. е. с ружьями, и это будет по отношению к ним справедливо... О Господи, если в крестьянах явился такой дух, то давно пора задушить их, как бешеных собак» [136, с. 289].

Центром восстания сделался город Франкенгаузен, где собрались главные силы восставших и куда Мюнцер, понимая значение этого города, направил все силы, которые были в его распоряжении, хотя многие отреагировали пассивно и в распоряжении «еретических коммунистов» в решающем сражении с князьями оказалось всего 8 тыс. человек и некоторое количество пушек. К концу мая 1525 г. с восстанием было покончено, Пфайфера и Мюнцера казнили. Восстания в других регионах Германии также подавили — одно за другим. Причиной неудавшейся революции было то, что большинству крестьян и ремесленников не было дела до построения нового великого будущего Мюнцера. Марксисты назвали бы это отсутствием классового самосознания, а следовательно — единства. Тем не менее Каутский повторяет, что «Мюнцер был и остался доньяне самым блестящим воплощением революционного еретического коммунизма» [136, с. 296].

Моравские анабаптисты и Мюнстерская коммуна

В одно время с мюнцеровскими «еретическими коммунистами» было популярно в Швейцарии движение анабаптистов (призывающих к повторному крещению в сознательном возрасте), которые, подобно таборитам, разделялись на «умеренных» и «строгих коммунистов». Нас интересуют последние, так как именно у них находим характерные для социализма черты: общность имущества, отношение к частной собственности как источнику греха (такая формулировка – всего лишь религиозное обозначение слов «несправедливость» или «неравенство», так как для «еретических коммунистов» такой грех находился в рамках существовавших социально-экономических отношений, против которых они выступали, а не в контексте спасения вечной души), общность жен. Также им было присуще своеобразное отношение к Богу, граничащее с атеизмом. Так, радикальный анабаптист Людвиг Гецер отрицал божественность Христа.

Однако радикальный левый анабаптизм был подавлен в Швейцарии, и активисты этого движения бежали в Германию. Мы не будем перечислять многочисленных более-менее известных приверженцев этого движения, уделив некоторое внимание наиболее интересному из них – книготорговцу Гансу Гуту. Он был достаточно радикален, чтобы мечтать о вторжении турок и их победе над христианами как условии для наступления тысячелетнего царства Христа, и даже назначил дату на 1528 г. (разумеется, хилиазм Гута не имел ничего общего с хилиазмом верующих ранних христиан, поскольку акцент у него ставился на установлении земного царства, где будет царить социальная справедливость). Как и большевики в XX столетии, Гут желал отечеству поражения.

В Моравии в XVI в. расцвели баптистские протосоциалистические общины, числом свыше 70. В каждой такой общине проживало от 400 до 2000 членов. *«У них была только одна общая кухня, одна пекарня, одна пивоварня, одна школа, одна комната для родильниц, одна комната, где матери жили вместе с грудными детьми, и т. д. В таком хозяйстве был один глава и распорядитель, который весь хлеб и вино, шерсть, скот и все необходимое покупал на деньги, получаемые от всех ремесел и от всех занятий, затем по мере надобности разделял всем в доме...»* [136, с. 342]. Эти общины были добровольными и не революционными, не практиковали общность жен, но в то же время воспитание детей у них было обобществлено и после двух лет дети отнимались от матери и отдавались в общественную школу. Кроме того, как видно из описания, эти общины имели централизованное управление экономикой и перераспределение благ. Однако, учитывая добровольный характер общины и существование в условиях рыночного обмена, эти общины показывали неплохую продуктивность своего хозяйства. Едва ли их можно считать предтечами социалистов Нового и новейшего времени, поскольку эти верующие люди жили мирно и не собирались изменять мир, не сжигали храмы и не грабили богатых. Они не были революционерами и, наверное, поэтому продержались около ста лет, т. е. довольно долго для общины, практикующей локальный добровольный «социализм» и уж тем более долго в сравнении с коммунистическими государствами. Каутский верно задается вопросом: продержались бы такие общины дольше, если бы их силой не вынудили прекратить существование в XVII столетии? *«Не особенно вероятно, чтобы баптистам удалось надолго удержаться неприкосновенным свой коммунизм среди капиталистического общества, с которым они, благодаря производству товаров и наемному труду, стояли в тесной экономической связи и которому тогда еще принадлежало будущее»* [136, с. 351]. К сожалению, Каутский не понимал, что успех таких общин в том и заключался, что ограничивался добровольным объединением людей, производящих и обменивающихся в условиях рынка, а не всеобщего централизованного плана. Учитывая, что память об этих баптистских общинах исчезла

даже в самой Моравии, едва ли можно считать их истинными идейными предшественниками социалистов, однако опыт их в рамках нашего повествования весьма интересен.

Мюнстерская коммуна – вот кого можно назвать настоящими предшественниками социалистов. Фактически начиная зарождаться еще в 1520-е гг. в ходе противостояния между аристократией и духовенством с ремесленниками, коммуна появилась в 1533 г. после успеха протестантского восстания под руководством Бернгарда Книппердорлинга. Этот господин был богатым сукноторговцем, что не помешало ему возглавить «низы» в борьбе с католической аристократией, духовенством и рыцарством. Город Мюнстер стал центром протестантско-коммунистического восстания для всего региона, а мельхиориты, последователи Мельхиора Гофмана, распространяли идею, что *«Господь отказался от Страсбурга за его неверие и избрал на его место Мюнстер, который и будет новым Иерусалимом»*. Все время существования коммуны (14 месяцев) ею управляли два «вождя» – Ян Матис и Ян ван Лейден.

Мюнстерская коммуна играет важную роль в истории социализма. Каутский пишет, что *«в Мюнстере коммунизм выступает как самостоятельный господствующий революционный фактор, и притом первый раз в истории»* [136, с. 372]. Мюнстер даже стал, в определенной степени, прообразом будущих социалистических режимов – отрезанный от внешнего мира и окруженный врагами, пытающийся строить социализм в отдельно взятом городе. И, как режимы XX в., победители переворота 1532–1533 гг. начали с террора против несогласных.

Каутский объясняет террор в Мюнстере его осажденным положением (что правда) и эпохой, которая являлась «быть может, самой кровавой» [136, с. 376]. Однако, как и апологеты красного террора, что в России, что в других странах, забывает о том простом факте, что коммуна была навязана одной группой людей другой группе людей силой, когда были захвачены институты власти города. Во-первых, лидеры коммуны первым делом предписали всем жителям принять новое баптистское крещение либо покинуть город. Во-вторых, не обходилось без казней, совершенных за дезертирство, соглашение с врагом (т. е. осаждающим город епископом), нарушение спокойствия населения (так у Каутского, но он не объясняет, в чем оно выражалось). Казнили отрубанием головы и расстрелом. Причем казнями непосредственно занимались руководители восстания – Ян ван Лейден и Книппердолинг.

Что интересно, при всем декларируемом анабаптистами презрении к роскоши, сам Ян ван Лейден со своими сподвижниками ходил в дорогих одеждах, конфискованных у богатых слоев города, и пользовался всем доступным золотом и серебром, которое удалось «национализировать» у горожан. Об этом свидетельствуют два не самых объективных автора – Грессбек и Керсенбронк, но Каутский, который их цитирует, вовсе не отрицает этого, он пытается оправдать такое поведение! Вот что пишет Керсенбронк: *«Они присвоили себе золото и серебро, принадлежало ли оно городу или горожанам – безразлично; а также взяли для себя из церквей священные пурпурные, шитые шелками украшения и принадлежности, употребляемые при богослужении; кроме того, они и все остальное, принадлежавшее городу и гражданам, присвоили себе и даже лишили жизни тех, которые сопротивлялись и не хотели больше выносить беспорядков, а после они по собственному усмотрению украшали всем этим себя, несмотря на то что приобретено оно было тяжелым трудом других»* [136, с. 382].

Пожалуй, пора перейти к главному – практике социализма в мюнстерской коммуне. Разумеется, на словах существовала общность собственности. Причем баптисты Мюнстера рассылали приглашения единомышленникам, в котором писали, что их бедняки одеты теперь в самые богатые одежды и всем обеспечены. Если это и было, то как следствие экспроприации собственности одних горожан и ее перераспределения между другими. Как ни странно, право наследования сохранялось, но исключительно через старейшин города и лично Книппердолинга, т. е. они определяли «настоящих наследников» имущества. По всей видимости, у мюнстерской коммуны было то, что впоследствии социалисты назовут личной собственностью. Было запрещено частное владение деньгами, денежное обращение было заменено бартером.

По домам жителей ходили специально уполномоченные «диаконы», которые делали учет провизии, после чего распорядиться ею для личных нужд запрещалось. Впрочем, подобная мера действительно, как пишет Каутский, может быть объяснена осадным положением города.

Отдельно стоит упомянуть ситуацию с браками в Мюнстере. Коммуна практиковала многоженство, причем законодательно оформленное. Строгие в том, что касается блуда вне брака, анабаптисты не имели ничего против многоженства в городе, который населяло на тот момент около 2000 лиц мужского пола и более 8000 женского. На пятый месяц осады старейшины общины приняли новое брачное право, которое предписывало всем оставшимся без мужчин женщинам перейти в хозяйства, где был глава-мужчина, в качестве «подруг жены». В сочинении Б. Ротмана, еще одного видного деятеля мюнстерской коммуны, написано: *«Если мужчина благословлен Богом больше чем для одной жены и ради Божьего повеления не должен злоупотреблять этим благословлением, то ему предоставляется, и даже необходимо, соединиться браком с несколькими женами; ибо иметь отношения внебрачные с женщиной есть блуд и прелюбодеяние»* [136, с. 396]. Каутский пишет, что это не является обобщением жен, однако, учитывая, что, согласно брачному праву мюнстерской коммуны, женщина была обязана (затем эту обязанность превратили в право) найти себе покровителя-мужчину, то логично, что, если мужчина умирал, женщине приходилось снова искать себе сожителя – и так, теоретически, много раз. Для Каутского такие порядки видятся «целесообразными», однако я не припомню, чтобы люди применяли эти правила всегда, когда их город осаждают неприятели, а мужская популяция уменьшается. Мне кажется, что подобное отношение к браку как к чему-то практическому, а не сакральному, вообще характерно для социалистической мысли.

Мюнстерская коммуна пала в конце мая 1535 г. На ней история «еретического коммунизма» заканчивается, и далее начинается новый этап в истории социализма. Можно теперь избавиться от приставки «прото» и назвать эпохой утопического социализма, когда вместо воинственных или трудолюбивых практиков появляются интеллектуальные теоретики, рисующие в духе Ямбула в своих текстах картины обществ, избавленных от эксплуатации и классового неравенства, а что более важно – пытающихся подогнать под описание этих обществ некое научное, рациональное основание, ибо общества эти рационально организованы и централизованы.

Утопический социализм

Утопизм не просто часть истории социализма – он непосредственный предшественник «научного социализма» XIX в. Безусловно, эпоха, в которую жили первые утописты, о которых мы поговорим далее, накладывала свой отпечаток на стиль их изложения.

Например, присутствие религиозных образов и терминов у Кампанеллы и Уинстенли – но это не должно вводить в заблуждение, поскольку такой язык был понятен читателям той эпохи. Кроме Мора, бывшего верующим католиком, и пантеиста-еретика Кампанеллы, остальные утописты были материалистами (как Уинстенли и другие, о которых речь пойдет далее). Другой пример – это представление о производстве. Утописты жили в эпоху доминирования ремесленного производства и зарождения мануфактуры. В XVI–XVII вв. еще не было крупных фабрик с применением большого количества наемного труда и машин. Но это не мешало утопистам рисовать картины рационально организованного производства и потребления, пусть и основанного на труде ремесленников. Некоторые утопические социалисты уже стремятся разрушить разделение труда, которое в социалистической парадигме, как мы помним, служит причиной отчуждения человека от продуктов его труда, примитивизации его работы и сведения ее к чисто механической функции. На страницах утопий мы видим отсутствие специализации и постоянную смену занятий.

В утопизме как этапе социалистической мысли появляется ряд важных черт, которые отличают его от протосоциализма анабаптистов, бегардов и таборитов:

1. Утопии дехристианизированы. В них нет даже еретического христианства, и в отличие от протосоциалистов, изъяснявшихся религиозной терминологией своего времени и вдохновлявшихся Ветхим Заветом и хилиазмом, утопии рисуют общество совсем иного склада, с другой религиозной системой (и религия в них не играет особой роли), порой враждебной христианству (как символу всего европейского, а значит – угнетающего).

2. Их описание дано рациональным языком, а социально-экономические отношения подчинены строгому распорядку дня для каждого члена общества и регламентации всех сфер их жизни.

3. В утопиях много внимания уделено производству, а средства производства обобществлены – все это на централизованных и рациональных началах. То есть уже не средства потребления, как у многих «еретических коммунистов», при сохранении частных средств производства и рынка, а то, что составит основу для рационального плана «научного социализма» в будущем. Под этой основой следует понимать и централизованное распределение благ между жителями утопии, которые не будут нуждаться в деньгах; фактически даже обмен потеряет свое значение.

4. Некоторые утопические общества расположены за пределами европейского мира, социально-экономические отношения которого представляются порочными и отсталыми в сравнении с утопиями.

«Утопия» Томаса Мора

Когда мы говорим про утопии, то первым делом вспоминаем Томаса Мора и его сочинение «Утопия». Немудрено, ведь он был в этом жанре первым после давно забытого Ямбула, а потому и название его сочинения стало названием для всего жанра. Работа потомственного английского юриста появилась на свет в 1516 г., после чего выдержала множество изданий и приобрела большую популярность. Полностью ее название звучит как «Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Книга написана в форме диалога, точно так же как у Платона. В разные времена подобный формат позволял автору излагать и издавать свои мысли без опасности для себя со стороны возможного преследования за взгляды, при этом формально выступая от лица, оспаривающего смелые идеи. Диалог ведется между самим Мором и путешественником Рафаэлем Гитлодеем, побывавшим на чудесном острове Утопия.

Гитлодей выступает как социалист. Так, уже в начале беседы он говорит Мору: *«...если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те получают отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют... один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность... Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, тону наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей»* [225].

Как мы видим, Гитлодей устанавливает незыблемый и общий для социалистов всех времен закон: частная собственность есть источник несправедливости и страданий. Мор-собеседник «держится противоположного мнения», после чего Гитлодей предлагает ему послушать,

как же живут на острове Утопия и как людям удалось достигнуть там справедливого общества. Чтобы не утомлять читателя пространными цитатами, я извлекаю самое основное, что характеризует социалистический порядок Утопии и что важно в рамках изложения истории социалистического учения [225]:

«На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность... Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разбегинены друг с другом... В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями. В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек – мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждого тридцати семейств – один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали прожившие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии... Все, что им нужно и чего нет в деревне, все подобные предметы они просят у города и получают от тамошних властей очень легко, без какого-либо обмена. В город они сходятся каждый месяц на праздник. Когда настанет день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя к самому сроку, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой».

«Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жару».

«Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелейший труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему разумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам».

«Именно, там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифо-гранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду,

то его удаляют обратно к ремесленникам. И наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых».

«Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни».

«Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, но не обузданию, а именно: обмань, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессонница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совершенным уничтожением денег».

«Неизбежным следствием таких порядков у этого народа является изобилие во всем, а так как оно равномерно простирается на всех, то в итоге никто не может быть нуждающимся или нищим. Как только в амауротском сенате, который, как я сказал, ежегодно составляется из трех лиц от каждого города, станет известным, где и каких продуктов особенно много и, наоборот, что и где уродилось особенно скудно, то недостаток в одном месте немедленно восполняют обилием в другом. И утопийцы устраивают это бесплатно, не получая, в свою очередь, ничего от тех, кому дарят. Но то, что они дают из своих достатков какому-либо городу, не требуя от него ничего обратно, они получают в случае нужды от другого города без всякого вознаграждения. Таким образом, весь остров составляет как бы одно семейство».

«Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие – Луну, третьи – одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом, перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая, и притом наиболее благоразумная, часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, и никому другому, они воздают и божеские почести».

Как мы видим, общество, описанное в Утопии, представляет собой предельно рационализированный социум, где производство и потребление централизовано, нет денег, общественные пространства устроены по единому плану вплоть до соблюдения одинаковых размеров городов и расстояний между ними. Централизованная экономика не совместима со свободным передвижением рабочей силы, поэтому в Утопии перемещение между городом и селом строго регламентируется. Социальное равенство (за исключением наличия рабов, но это все-таки ранний рациональный социализм) абсолютно – вплоть до одинаковой одежды. Действует всеобщая трудовая повинность и регулирование необходимых для производства рабочих часов. Регламентировано и вне рабочее время. При этом есть своя номенклатура – сифогранты и деятели науки. Пожалуй, единственным исключением, где Мор, как католик, не мог пойти на компромисс, было отношение к браку – он у утопийцев моногамный, развод почти невозможен,

измена карается законом. Тем не менее, описывая религию «Утопии», Мор не выдает в себе католика. Ситуация в его вымышленном мире куда ближе к светскому государству, где религия низведена до уровня личного дела каждого и не играет существенной роли в принятии важных политико-социально-экономических решений.

Я согласен с Каутским, который называл «Утопию» Мора первым сочинением, где была изложена идея организации производства *«в рамках большого национального государства»* [136, с. 434]. И еще точнее: *«“Утопией” Мора начинается современный социализм»* [136, с. 438]. Действительно, утопический социализм является уже не дедушкой, а отцом «научного социализма». В нем общество существует в соответствии с некой рациональной моделью организации производства и потребления, общественных пространств, классов и т. д. Однако все это может оказаться очень любопытным и смешным историческим казусом. Одна внимательная читательница, прочитав ранний мой текст об утопическом социализме Томаса Мора в его публичном, статейном, варианте, прислала мне следующий интересный комментарий (пунктуация сохранена): *«По поводу Томаса Мора, мне кажется, что его труд “Утопия” является сатирой на социализм, а не описанием идеального общества. У меня тут есть том, на английском с его мыслями и трудами, и одна из его глав называется “Почему миру нужны богатые люди?” – в которой Томас Мор приводит цитаты из Писания и другие мысли, объясняя, почему неравенство между богатыми и бедными более справедливо, чем “равенство” и отсутствие частной собственности. Что же касается “Утопии”, то он специально выбрал это слово для названия острова, так как оно в переводе с греческого означает “не-место” (“нигде”) или место, которого нет. Общество, описанное в Утопии – это общество, которое не может существовать, оно невозможно, это “не-место”. У Мора было очень тонкое чувство юмора. Одним из индикаторов этого юмора является то, что главный город острова – Амаурот, что означает “туманный или призрачный”, главная река – Анидр, что по-гречески означает “безводный”, и человек, который рассказывает историю утопии, Рафаил Гитлодей – его фамилия переводится как “разносчик чепухи”. Г. К. Честертон, говорил о том, что Томас Мор – великий юморист: “пожалуй, его самая большая шутка из всех – книга под названием «Утопия». Утописты девятнадцатого века подражали книге, не видя шутку”. И разве сама история не показывает его правоту? – социализм несовместим с реальностью».* Таким образом, вполне возможно, что вся дальнейшая история социализма – это история развития непонятой шутки.

“Civitas Solis” Томмазо Кампанеллы

Другой великий утопист XVI столетия был итальянцем. Томмазо Кампанелла, родившийся в 1568 г. в провинции Реджио, назвал свой утопический мир «Государство солнца», или «Город солнца», в подражание «Острову Солнца» Ямбула. Как христианин, он был не очень хорош. Обучение в доминиканском монастыре не спасло его от популярного в то время мракобесия – астрологии, магии, алхимии и каббалы. Представления Кампанеллы о Боге – пантеистические. Бог у него присутствует во всех вещах, все предметы и существа способны к чувствованию. Земля у него – как и у Джордано Бруно – живая. При этом человек на Земле подобен червю, ковыряющемуся в теле, – иными словами, Томмазо отходит от христианского представления об отношениях человечества и творения, где последнее подчинено первому. Вселенную, само Бытие Кампанелла считает бесконечно рождающимися и умирающими, т. е. история у него циклична, – это совершенно противоположное христианскому представление о сущем.

«Город солнца» Кампанеллы увидел свет в 1620 г. *«Утопия Кампанеллы – одна из самых полных, смелых и красивых утопий, какие когда-либо были написаны»*, – писал Поль Лафарг [136, с. 461]. Как и города «Утопии», «Город солнца» находится на острове, правда делит соседство не с дружественными единоплеменниками-солярийцами, а с враждующими

королевствами. Это накладывает свой отпечаток на общественное устройство утопии, делая его куда более воинственным, чем у утопийцев Мора. Предлагаю кратко пройти по основным чертам «Города солнца», вполне типичных для чаяний социалистического общества, как вымышленного, так и реального:

«...мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно» [132, с. 151].

«Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, – каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела» [132, с. 152].

«Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин...» [132, с. 154].

«Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение... Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре. Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения – опытного врача, подчиненного правителю Любви... Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они хорошо и с пользою уравновешивали друг друга» [132, с. 157].

«Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодной, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия» [132, с. 158].

«На деторождение они смотрят как на религиозное дело, направленное ко благу государства, а не отдельных лиц, при котором необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, как говорит святой Фома, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии» [132, с. 160].

«...у Соляриев жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа, однако же не всегда и не как у животных, покрывающих первую попавшуюся самку, а лишь ради производства потомства в должном порядке, как я уже говорил» [132, с. 162].

«Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседованиями, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно» [132, с. 162].

«Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им» [132, с. 162].

«Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним в город купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярии отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен, по соответственной оценке, недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги» [132, с. 169].

Итак, солярийцы «построили» вполне развитое социалистическое общество. В нем общность имущества соединена с общностью жен, а производство и потребление тщательно регламентированы и регулируются специально назначаемыми управлениями. Царит полное равенство – вплоть до одежды, как и у Мора. Торговля и деньги не играют в экономике никакой роли – разве что для сношений с иностранцами. Уменьшение рабочего времени позволило освободить человека от труда ради занятия науками и искусством, что сделало людей универсальными работниками, поэтому разделения труда нет. Впрочем, есть и новшество – это своего рода генетическая инженерия, подбор половых партнеров ради сохранения наиболее предпочтительных качеств у будущего потомства. Однако это еще один пример развития социалистической мысли, которая подчинялась и подчиняется стремлению к рационализации всех сторон жизни общества. Более же всего мне хочется подметить, что в «Городе солнца» традиционная моногамная семья и частная собственность рассматриваются как источник несправедливости и взаимосвязаны между собой – в чем солидарны, пожалуй, почти все социалисты: *«...они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен, и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.